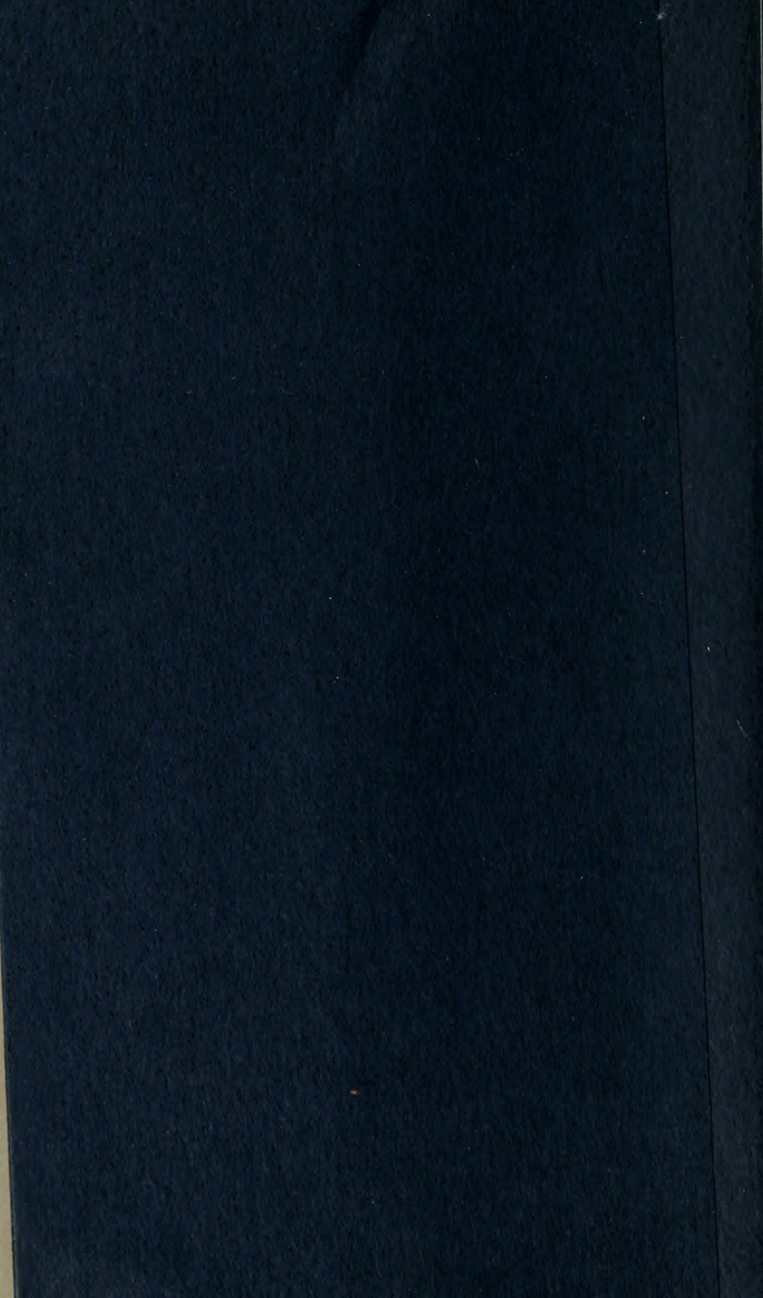

Friche, Vladimir Maksimovich
Leonid Andreev

LEONID ANDREEV; OPDT
KHARAKTERISTIKI

Vladimir Maksimovich Friche

Published on demand by
UNIVERSITY MICROFILMS
University Microfilms Limited, High Wycomb, England
A Xerox Company, Ann Arbor, Michigan, U.S.A.

В. ФРИЧЕ.

W. Friche Vladimir Maksimovich

ЛЕОНИДЪ АНДРЕЕВЪ.

Leonid Andreev

(Опытъ характеристики).

МОСКВА.

1909.

LIBRARY
JUL 31 1972
UNIVERSITY OF TORONTO

Типография Ф. Я. Бурче, Москва

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Леонидъ Андреевъ принадлежитъ въ настоящее время къ числу наиболѣе популярныхъ писателей. Каждое его новое произведеніе вызываетъ большой интересъ и не мало споровъ. У него быть можетъ столько же враговъ, сколько и поклонниковъ.

И однако многимъ его физіономія не ясна.

Правда, существуетъ довольно богатая литература о немъ, разсѣянная по разнымъ журналамъ, существуетъ и нѣсколько монографій.

Но всѣ эти статьи и брошюры касаются только нѣкоторыхъ темъ его творчества, онѣ не охватываютъ всей его литературной дѣятельности, не даютъ полной картины его психики и поэзіи.

Наша задача — по мѣрѣ возможности восполнить этотъ пробѣлъ.

Конечно, Л. Андреевъ высказался еще не весь. При той большой продуктивности, которая отличаетъ его, онъ подаритъ русское общество еще не однимъ произведеніемъ, но есть основаніе думать, что ничего *существенно* новаго въ смыслѣ настроеній, образовъ и техники, ничего такого,

что могло бы служить этапомъ въ развитіи русской литературы, онъ не дастъ.

Такъ какъ подлинная сущность Л. Андреева, повидимому, уже успѣла вылиться въ опредѣленные художественные образы, то созданныя имъ до сихъ поръ произведенія (до «Моихъ записокъ» включительно) даютъ полную возможность судить о томъ, что представляетъ этотъ писатель, выступившій въ эпоху великаго перелома русской жизни, въ эпоху, когда среди старыхъ формъ и отношеній складывался новый міръ.

На основаніи этихъ произведеній можно отвѣтить на вопросъ, былъ ли Л. Андреевъ въ полномъ смыслѣ слова человѣкомъ „современнымъ“ или въ гораздо большой степени отголоскомъ умиравшей старины[1]).

---

[1]) Недавно въ газетахъ промелькнуло извѣстіе, будто Андреевъ намѣренъ бросить беллетристику и посвятить себя всецѣло драматической и режиссерской дѣятельности. Если это извѣстіе вѣрно, то оно лишній поводъ подвести итогъ первому періоду его литературной дѣятельности.

Въ то время, какъ писатель силой своей мысли и таланта долженъ творить новую жизнь, онъ только описывалъ старую, не пытаясь даже разгадать ея сокровенный смыслъ.

(*Слова доктора Керженцева въ „Мысли" о произведеніяхъ писателя Алексѣя Савелова*).

Вчитайтесь въ его наиболѣе нашумѣвшія произведенія и вы увидите, что они не были нужны для жизни.

(*Тамъ-же*).

I.

Конецъ XIX и начало XX столѣтія—время, когда Леонидъ Андреевъ выступилъ на литературное поприще—одна изъ наиболѣе интересныхъ и оживленныхъ эпохъ русской жизни.

Страна пробуждалась отъ сковавшей ее летаргіи. Всюду чувствовалось броженіе, жажда свѣта и простора, все предвѣщало конецъ старой и начало новой жизни.

Пробужденіе началось снизу.

Если въ 1887 г. въ Россіи было напечатано 19 мил. экземпляровъ книгъ, то 10 лѣтъ спустя въ 1897 г.—уже 44 мил.

„По многимъ признакамъ—замѣчаетъ Рубакинъ—есть полное основаніе думать, что ожи-

вленіе книжнаго рынка было вызвано, главнымъ образомъ, благодаря наростанію читателя въ слояхъ *фабричнаго* люда".

Рабочій классъ былъ проникнутъ не только страстью къ чтенію, а также протестующимъ духомъ.

По всей странѣ прошла, бурля и пѣнясь, первая волна чисто экономическихъ стачекъ (Шуя, Лодзь, у Корзинкина и Хлудова, стачка 30000 петербургскихъ ткачей); къ началу новаго столѣтія онѣ принимаютъ чисто эпидемическій, почти всеобщій характеръ и изъ экономическаго протеста становятся политической демонстраціей.

Пробуждалась отъ долгой спячки и интеллигенція.

Теорія и практика „малыхъ дѣлъ", призывъ яснополянскаго мудреца къ опростительству—все, чѣмъ когда то жилъ, окончательно еще не опустившійся, восьмидесятникъ, теряло теперь свое обаяніе, становилось тусклымъ и безсмысленнымъ—впереди виднѣлись крупныя историческія задачи. На смѣну эпигонамъ народничества, съ ихъ вѣрой въ самобытное развитіе Россіи, шли съ боевымъ задоромъ и бодрыми словами первые отряды марксистовъ.

Въ разсказѣ Вересаева „Повѣтріе" въ ясныхъ образахъ отмѣченъ этотъ переломъ въ воззрѣніяхъ и настроеніяхъ интеллигенціи.

Земскій врачъ Троицкій весь ушелъ въ практику „малыхъ дѣлъ", убѣжденный, что „нельзя

гоняться за какими то отвлеченными историческими задачами", когда „такъ много насущнаго дѣла и такъ мало работниковъ". Но свою крохотную работу онъ дѣлаетъ безъ всякаго воодушевленія, точно по инерціи. Народникъ по своимъ убѣжденіямъ онъ благоговѣетъ передъ Киселевымъ, насаждающимъ по всей странѣ кустарныя артели, какъ оплотъ противъ молоха капитализма. И вдругъ передъ нимъ—новые люди. Студентъ Даевъ и курсистка Наташа доказываютъ ему, что никакія благія пожеланія интеллигенціи не спасутъ Россіи отъ нашествія капитализма, потому что исторія имѣетъ свои собственные непреложные законы, что сами артели лишь способствуютъ развитію въ странѣ буржуазнаго уклада жизни и что пролетаризація крестьянина и кустаря, при всей ея безотрадности для нихъ, объективно является вмѣстѣ съ тѣмъ зарей лучшаго будущаго, создавая почву для возникновенія самаго прогрессивнаго общественнаго класса.

Странно звучали въ ушахъ народника эти непривычныя рѣчи; въ особенности его поражала та сухость и какъ будто даже и радость, съ какой эти молодые люди говорили о гибели мелкаго производства, о распадѣ старой жизни. Обѣими руками схватившись за голову, земскій врачъ, какъ полуумный, бѣгалъ по террасѣ. „Ну и времячко теперь—негодовалъ онъ — нечего сказать. Чтобы до такой можно было дойти узо-

сти, до такой черствости! И это—молодежь, надежда страны!"

Вечеромъ, когда молодые люди ушли, Троицкій долго стоялъ среди убогихъ деревенскихъ хатъ, столь дорогихъ его сердцу, и вдругъ почувствовалъ, какъ въ немъ поднимается „тяжелая злоба" къ этимъ новымъ интеллигентамъ, чувствовалъ, что „никогда имъ не протянетъ руки".—Что то они сдѣлаютъ?—думалъ онъ, мрачно глядя въ нѣмую и черную ночь, стоявшую надъ деревней.

А они дѣлали свое дѣло!

Появляются ,,Критическія замѣтки" Струве, ,,Монистическій взлядъ на исторію" Бельтова, ,,Развитіе капитализма въ Россіи" Ильина, ,,Исторія русской фабрики" Туганъ-Барановскаго. Выходятъ газеты и журналы: „Самарскій Вѣстникъ", „Новое Слово" и т. д.

„Капиталъ" Маркса сразу разошелся въ нѣсколькихъ изданіяхъ.

,,Нужно было видѣть—разсказываетъ одинъ писатель [1])—что дѣлалось въ Петербургѣ въ книжныхъ магазинахъ въ моментъ выхода завѣтной книги. Когда въ студенческую столовую въ одинъ прекрасный день стали тащить разомъ по 10 и 20 экз. и для себя, и для провинціи, и на случай запрета, то ликованію не было конца. Это былъ поистинѣ какой-то свѣтлый праздникъ".

[1]) Львовъ: 90 годы и Вересаевъ.

Пусть увлеченіе интеллигенціи марксизмомъ продолжалось не дольше „повѣтрія“, пусть значительная часть ея отказалась отъ „догмы“ учителя и, перейдя черезъ посредство бернштейніанскаго ревизіонизма на сторону буржуазно-демократическаго либерализма, основала и поддерживала „Освобожденіе“. Въ этомъ поворотѣ отъ „марксизма къ идеализму“ сказалось лишь повышенное самосознаніе интеллигенціи, готовившейся къ роли авангарда буржуазіи въ надвигавшемся переворотѣ. И та же вѣра интеллигенціи въ свои силы и свою миссію обнаружилась еще болѣе отчетливо въ возрождавшемся на зарѣ XX в. народничествѣ, утверждавшемъ, что интеллигенція призвана повести за собой пролетаріатъ и крестьянство и что ея воодушевленіе можетъ замѣнить подъемъ народныхъ массъ.

Въ концѣ 90 годовъ вступаетъ въ новую фазу и студенческое движеніе, превращаясь изъ чисто-профессіональнаго въ политическое, изъ оппозиціи администраціи въ оппозицію всему старому режиму. Студенческія волненія 1901 г. незамѣтно выростаютъ въ прологъ широкаго общественнаго движенія.

Такъ пробуждалась страна въ ея передовыхъ слояхъ отъ зимней спячки, отъ безвольной апатіи.

Весеннее пробужденіе страны отразилось и въ современной изящной литературѣ, окрасивъ ее въ свѣтлые розовые тона.

Въ поэзій Чехова прежнія пессимистическія

настроенія смѣняются бодрящимъ ожиданіемъ лучшаго будущаго, прежніе хмурые и никчемные люди уступаютъ мѣсто искателямъ и поэтамъ новой жизни.

Послѣ „Иванова“, пронизаннаго безысходной тоской, Чеховъ создаетъ „Трехъ сестеръ“, пьесу, гдѣ все дышетъ надеждой и вѣрой и гдѣ Вершининъ проповѣдуетъ о томъ, что въ будущемъ жизнь станетъ „невообразимо прекрасной“, „изумительной“. „Пусть мы и не будемъ участвовать въ этой жизни—восклицаетъ онъ—но мы для нея работаемъ, страдаемъ, творимъ: въ этомъ цѣль нашего бытія и, если хотите, наше счастье“.

Послѣ „Дяди Вани“, гдѣ докторъ Астровъ могъ констатировать лишь полный распадъ старой жизни, нигдѣ не видя свѣжихъ ростковъ будущаго—„разрушено почти все, взамѣнъ не создано ничего“—Чеховъ пишетъ „Вишневый садъ“, гдѣ изъ-за гибнувшихъ феодальныхъ помѣстій уже вырисовываются контуры дѣловыхъ сооруженій буржуазіи, а между ними увѣренно движутся фигуры носителей новой правды.

Изъ міра бездомныхъ босяковъ, съ темнаго городского „Дна“ несетъ М. Горькій наверхъ въ литературу жажду простора и культъ силы.

Мелькаетъ образъ Данко, освѣщающаго вырваннымъ изъ груди сердцемъ, какъ факеломъ, людямъ путь черезъ густую чащу къ свѣтлымъ долинамъ, а дерзкій Чижъ смущаетъ лѣсныхъ

обитателей своей звонкой воинственной пѣсенкой.

Мчится къ далекому солнцу, опьяненный жаждой борьбы, храбрый Соколъ, и несется надъ волнами бушующаго моря крикъ Буревѣстника.

И чѣмъ ближе къ перевороту, тѣмъ радостнѣе поетъ литература гимнъ новой жизни.

Достаточно указать на вышедшіе почти одновременно романы Гусева-Оренбургскаго „Страна отцовъ" и Куприна „Поединокъ". Въ нихъ вѣетъ тѣмъ бодрымъ оптимистическимъ настроеніемъ, съ которымъ страна готовилась встрѣтить свѣтлый праздникъ своего обновленія.

„Мы давно не звѣри—говорятъ рабочіе. Это ничего, что мы черную работу справляемъ: на ней міръ держится. Золото безъ насъ лежало бы въ землѣ. Пусть же изъ этого золота на нашихъ рукахъ хоть крупинки остаются, чтобы мы могли по-человѣчески жить, дѣтей своихъ воспитывать, чтобы людьми вышли и правды своей добились".—„Ты побѣдилъ насъ своей неправдой—говорятъ крестьяне кулаку міроѣду—наши дѣти побѣдятъ тебя своей правдой (Страна отцовъ).

Всюду чувствуется вѣяніе весны.

Душно подпоручику Ромашеву въ казармѣ. Съ грустью думаетъ онъ о томъ, что гдѣ-то „люди живутъ совсѣмъ другіе, и жизнь у нихъ полная, такая радостная, такая настоящая", что гдѣ-то „люди борются и страдаютъ". (Поединокъ).

Душно и о. Ивану подъ священнической рясой. Онъ точно въ „склепѣ“.

Кругомъ „творится что-то новое“, „люди живутъ и думаютъ по-иному“, „ждутъ справедливости“, „страстно борются за свои идеалы“. „А мы—думаетъ онъ—мы стоимъ на мѣстѣ, окаменѣлые, черной стѣной, и жизнь уходитъ отъ насъ въ сіяющую даль“. (Страна отцовъ).

Между тѣмъ новыя поколѣнія уже вышли на борьбу за новую жизнь.

Для нихъ нѣтъ ничего выше „гордаго человѣка съ пламенными, свободными мыслями“. Для нихъ человѣкъ „царь міра“ и „богъ всего живущаго“ (Поединокъ). Этотъ свободный и гордый человѣкъ былъ изуродованъ нелѣпыми соціально-политическими условіями, условіями „угашающими духъ, убивающими волю, угнетающими мысль“ (Страна отцовъ).

И новые люди объявляютъ войну старой жизни.

„Мы пришли разрушить ложь—говорятъ они—мы, отбросившіе предразсудки отцовъ, перегородки, раздѣляющія людей на богатыхъ и бѣдныхъ, аристократовъ и рабовъ, мы—поклоняющіеся солнцу будущаго“ (Страна отцовъ).

И когда падетъ ложь стараго міра, на землѣ разцвѣтетъ счастье, похожее на сказку.

„Воздвигнутся легкія свѣтлыя зданія, жизнь станетъ сладкимъ трудомъ, свободной наукой, веселымъ вѣчнымъ праздникомъ. Любовь, освобожденная отъ темныхъ путъ собственности, ста-

нетъ свѣтлой религіей міра. И самыя наши тѣла сдѣлаются сильными и красивыми, одѣтыми въ яркія великолѣпныя одежды“ (Поединокъ).

Такова была та общественная обстановка, та идейная атмосфера, среди которой созрѣвалъ талантъ Леонида Андреева.

II.

Вся эта весенняя радость, съ шумомъ ломавшая ледъ старой жизни, прошла мимо него или вѣрнѣе онъ самъ прошелъ мимо нея, съ „мертвыми глазами и мертвыми ушами“.

Въ эту шумную и страстную пору русской жизни, когда кругомъ расцвѣталъ новый міръ, его взглядъ не проникалъ дальше четырехъ стѣнъ мѣщанскаго быта. Онъ зналъ только чеховскаго обывателя, по инерціи идущаго на службу и ничѣмъ не интересующагося (Городъ), свободное время посвѣщающаго картамъ (Большой шлемъ) и придумывающаго самыя нелѣпыя мечты, чтобы какъ-нибудь скрасить скуку и однообразіе филистерскаго существованія (Оригинальный человѣкъ).

Безсодержательно, какъ „отцы“ живутъ и старшія „дѣти“.

Студенты пьянствуютъ, посѣщаютъ дома терпимости и за „скандалы“ административно высылаются (Разсказъ о Сергѣѣ Петровичѣ), или въ лучшемъ случаѣ ведутъ съ гимназистками бесѣду о „гордыхъ и энергичныхъ мужчинахъ, прося-

щихъ о любви и чуткомъ женскомъ состраданіи" (Бездна).

Младшія „дѣти" идутъ по стопамъ старшихъ. Гимназисты обзаводятся любовницами (обыкновенно горничными) и крадутъ у родителей вино (Праздникъ) или посѣщаютъ проститутокъ, разсказываютъ скабрезные анекдоты и лѣчатся отъ венерическихъ болѣзней (Въ туманѣ).

Мечты этихъ обывателей—мѣщанъ не идутъ дальше сытаго благополучія и житейскаго комфорта.

Студентами они грезятъ о томъ, какъ они выиграютъ 200000 и поѣдутъ путешествовать, непремѣнно съ дамой, „имени которой они не знаютъ", или о томъ, какъ они вдругъ станутъ знаменитостями, всѣ будутъ передъ ними преклоняться, а они будутъ всѣмъ благодѣтельствовать (Разсказъ о Сергѣѣ Петровичѣ). Въ зрѣлые годы они „любятъ, когда въ тонкомъ стаканѣ играетъ золотистое вино", „любятъ усталые протянуться въ чистой постели", любятъ прежде всего и больше всего „себя" (докторъ Керженцевъ въ „Мысли"). „Въ наши дни — философствуютъ они — когда только богатство даетъ свободу, мы не знаемъ, чѣмъ мы бы стали, если бы судьба поставила насъ въ ряды прелетаріата" (докторъ Керженцевъ).

Только изрѣдка въ этомъ обывательскомъ царствѣ промелькнетъ, чтобы сейчасъ же исчезнуть, физіономія человѣка изъ другого міра, но урод-

ливо отраженная въ призмѣ обывательскаго воображенія. Тщетно всматриваешься въ это чужое здѣсь лицо, чтобы узнать, о чемъ оно думаетъ и о чемъ грезитъ — оно упорно молчитъ. Вмѣсто революціонера со свойственными ему особыми переживаніями встаетъ какой-то не то бродяга, не то—по совсѣмъ неглупому выраженію влюбленнаго въ своего барчука лакея Феногена Ивановича—„разбойникъ", отъ котораго вѣетъ „дикостью и свободой", движенія котораго дышатъ „трепетной граціей хищника, выпускающаго когти" и даже въ грязномъ платьѣ котораго есть „что-то неуловимо хищное, тревожное, заставляющее всѣхъ хорошо одѣтыхъ людей испытывать смутное чувство опасенія" (Въ туманную даль).

Одинъ только разъ въ эту бурную эпоху пытался Л. Андреевъ отразить въ своемъ творчествѣ весеннее пробужденіе страны, но и оно преломилось въ головѣ его героя (т.-е. въ конечномъ счетѣ въ головѣ самого автора) въ дико-уродливыхъ формахъ, какъ непонятный и нелѣпый кошмаръ.

Деревенскій священникъ, Василій Ѳивейскій, долго жившій, какъ всѣ андреевскіе обыватели исключительно своей личной жизнью, вышелъ послѣ ряда постигшихъ его несчастій изъ своей обособленности и отчужденности. Если раньше въ его представленіи существовала только крохотная земля „и на ней онъ одинъ съ своимъ

огромнымъ горемъ и огромными сомнѣніями“, то теперь вдругъ „земля выросла“ и „вся заселилась людьми, подобными ему“. И священникъ почувствовалъ себя, какъ „одинокое дерево въ полѣ, вокругъ котораго внезапно выросъ бы безграничный и густой лѣсъ“.

Изъ разговоровъ съ крестьянами о. Василій узналъ, что у каждаго изъ нихъ столько страданій и горя, что хватило бы на „десятокъ человѣческихъ жизней“ и ему, „оглушенному, потерявшемуся“, казалось, что „весь живой міръ принесъ ему свои слезы и муки“. Его душа запылала, какъ „жертвенникъ“ и каждаго, кто къ нему подходилъ, хотѣлось включить въ „братскія объятія“.

О. Василій понялъ, что онъ не „господинъ“ и не „сосѣдъ“ людей, а ихъ „слуга и рабъ“, и онъ видѣлъ, какъ „блестящіе глаза великаго ожиданія ищутъ его, и приказываютъ, и зовутъ“.

Онъ подумывалъ уже снять рясу, поѣхать „куда-то далеко“ и зажить новой жизнью. Снова въ его „унылый домикъ“ заглянули на мгновенье „потерянная радость“ и „надежда“. Попадья, послѣ смерти любимаго ребенка запившая, бросила водку, и онъ самъ, возвращаясь вечеромъ съ полевыхъ работъ, веселый и здоровый, невольно думалъ, какъ „на землѣ хорошо жить“.

Неожиданная смерть жены нарушила всѣ его планы.

Правда, о. Василій не переставалъ мечтать о

лучшей жизни для всѣхъ. Передъ нимъ, какъ „огромный бриліантъ въ бездонныхъ солнечныхъ глубинахъ“ сверкалъ иной міръ „любви и божественной справедливости“, міръ ,,свѣтлыхъ и безбоязненныхъ лицъ, не опозоренныхъ морщинами страданій, голода, болѣзней‘‘.

Но онъ никакъ не могъ понять причины царившей кругомъ него неурядицы, хотя передъ нимъ стояли рядомъ сельскій богатѣй-кулакъ Иванъ Порфирьевичъ Копровъ и его батракъ, вѣчно голодный деревенскій пролетарій, Семенъ Мосягинъ, а еще менѣе понималъ онъ, какіе пути ведутъ изъ хаоса страданій и слезъ въ тотъ свѣтлый міръ, который, какъ ,,брилліантъ‘‘ сіялъ передъ нимъ.

Только вмѣшательство неземной силы, казалось ему, можетъ возстановить на землѣ ,,любовь и справедливость‘‘ и когда его вѣра въ ,,чудо‘‘ не оправдалась, онъ палъ жертвой давно его подстерегавшаго безумія.

III.

Если Л. Андреевъ прошелъ такъ равнодушно, съ такимъ непониманіемъ мимо зарождавшейся новой жизни, то это произошло отъ того, что онъ самъ былъ органически слишкомъ крѣпко связанъ съ старыми отмиравшими формами быта и порожденнымъ имъ духомъ.

Присмотримся поближе къ тому міру настрое-

ній и образовъ, который онъ рисовалъ въ своихъ раннихъ произведеніяхъ.

Этотъ міръ былъ прежде всего его собственной психикой, отлившейся въ художественные символы, но самая эта психика была сформирована опредѣленнымъ соціально-бытовымъ укладомъ.

Изображенные Л. Андреевымъ люди инстинктивно боятся жизни, всѣмъ нутромъ своимъ сознавая свою къ ней неприспособленность, свое безсиліе съ ней справиться.

Мелкій чиновникъ Андрей Николаевичъ (У окна) говорилъ о жизни не иначе, какъ о „странной и ужасной вещи", въ которой такъ много всего „неожиданнаго и непонятнаго". „Куда ни сунься, все люди грубые, шумные, смѣлые, такъ и прутъ впередъ и все побольше захватить хотятъ". „Жестокосердные, неумолимые, они идутъ напроломъ, со свистомъ и гоготомъ и топчутъ другихъ слабыхъ людей".

Испугавшись жизни, онъ спрятался отшельникомъ въ своей комнатѣ, пассивно созерцая изъ окна, что дѣлается кругомъ. Стѣны и потолокъ, до котораго легко было достать рукой, „защищали его отъ людей". Такъ „отсиживался" Андрей Николаевичъ въ своей комнатѣ, какъ въ „крѣпости" отъ жизни, передъ которой стоялъ непонимающій и безсильный.

Сознаніе своей неприспособленности и какъ бы ненужности въ жизни превращается у изображенныхъ Андреевымъ людей въ чувство край-

няго и безпредѣльнаго одиночества, все равно къ какому возрасту ни принадлежатъ эти люди, все равно, какое бы общественное положеніе они ни занимали.

Гимназистъ Качеринъ (Праздникъ) кажется самому себѣ какимъ то „отверженцемъ—Каиномъ“ и онъ одинъ не понимаетъ того „веселаго и звучнаго языка“, на которомъ говоритъ „весь міръ живыхъ людей и неживыхъ предметовъ“, а гимназистъ Павелъ Рыбаковъ (Въ туманѣ) чувствовалъ „всѣмъ одинокимъ и скорбнымъ сердцемъ“, что онъ „чужой всѣмъ людямъ и посторонній для жизни“. Одинокимъ сознаетъ себя и докторъ Керженцевъ, „сзади и спереди и кругомъ“ котораго словно „зіяющая пустота“ (Мысль), и служащій Петровъ, когда ходитъ по улицамъ многолюднаго и шумнаго города, гдѣ каждый человѣкъ представляетъ собою „отдѣльный міръ“ съ своей „особенной радостью и горемъ“ и гдѣ „чѣмъ больше было людей, которые не знали другъ друга, тѣмъ ужаснѣе становилось одиночество каждаго“ (Городъ). Одинокимъ стоитъ въ жизни докторъ Шевыревъ, ночи напролетъ проводящій въ Вавилонѣ, гдѣ знакомъ со всѣми посѣтителями и не знаетъ ни одного изъ нихъ, (Призраки) и Василій Ѳивейскій, который, „словно планета среди планетъ“, такъ „видимо обособленъ, такъ непостижимо чуждъ всему, какъ если бы не былъ человѣкомъ, а только движущейся оболочкой его“.

Ненужные въ жизни, безжалостно сокрушаемые ею, стоящіе на грани между бытіемъ и небытіемъ, люди, изображенные Л. Андреевымъ, невольно пріучаются смотрѣть на міръ, какъ на призрачную грезу. Они охотно представляютъ себѣ жизнь въ видѣ „длиннаго, узкаго и сѣраго коридора", по которому „плывутъ сѣрыя тѣни людей" (Разсказъ о Сергѣѣ Петровичѣ), они кажутся себѣ какими то „фантастическими тѣнями, принявшими страшный необыкновенный образъ" или „туманными и печальными образами, что ночью витаютъ надъ болотомъ" (Жизнь Василія Өивейскаго).

Порой герои Андреева дѣлаютъ невѣроятныя усилія, чтобы покорить и завоевать жизнь, которая, по словамъ одного изъ нихъ (Павла Рыбакова), „проходитъ мимо нихъ со всей своей красотой, пѣснями и радостями". Они пытаются стать другими, чѣмъ ихъ создала природа, стараются освободиться отъ всего мѣшающаго имъ стать конквистадорами, спѣшатъ заглушить въ себѣ то, что называется совѣстью. „Нищіе духомъ и слабые" (какъ выражается о Сергѣѣ Петровичѣ студентъ Новиковъ), они становятся поклонниками Ницше, сверхчеловѣческую философію котораго они безжалостно урѣзываютъ и упрощаютъ для своихъ обывательскихъ нуждъ.

Но всѣ ихъ попытки завоевать жизнь кончаются жалкимъ фіаско. Докторъ Керженцевъ положительно ставитъ на дыбы свою психику. Онъ

продѣлываетъ надъ собой невѣроятные эксперименты, чтобы доказать свое право на титулъ сверхчеловѣка, но несмотря на свое знакомство съ Ницше онъ остался самымъ обыкновеннымъ обывателемъ съ самой обыкновенной хрупкой совѣстью, и его попытка прыгнуть выше самого себя приводитъ его только въ психіатрическую лѣчебницу.

Такимъ же жалкимъ фіаско кончается и надежда другого обывателя, нарядившагося въ мантію сверхчеловѣка, выбиться изъ тѣни посредственности къ свѣту счастья и значенія. Когда Сергѣй Петровичъ, студентъ естественникъ, понялъ, что природа обошла его безжалостно своими дарами, то передъ его „тусклыми" глазами стала другая „грозная и могучая сила"—деньги. Но онъ скоро убѣдился, что ему не удастся стать „милліонеромъ", потому что „украсть" или „убить" не позволяла „совѣсть", а все то, что разрѣшено „закономъ"—игра на биржѣ, служба съ крупнымъ окладомъ, женитьба на богатой и т. д. —„не существовало для него, какъ и умъ". И тогда Сергѣю Петровичу стало ясно, что изъ „клѣтки" жизни съ ея „частыми и толстыми желѣзными прутьями" есть только одинъ выходъ—самоубійство. Только въ смерти добровольно избранной, онъ „жалкій, тупой и несчастный человѣкъ" можетъ стать выше „геніевъ, королей и горъ", выше всего, что существуетъ „высокаго" на землѣ.

Полная невозможность выбиться на поверхность жизни, постоянное сознаніе, что все происходитъ не такъ, какъ желаешь, невольно внушаетъ людямъ, изображеннымъ Л. Андреевымъ, мысль о томъ, что міромъ и человѣкомъ управляетъ какой-то злой рокъ: они безнадежные фаталисты.

Если Сергѣю Петровичу кажется, что не мозгъ, а „чужая невѣдомая воля" управляетъ его поступками, то докторъ Керженцевъ убѣжденъ, что убійство друга Алексѣя, „основаніемъ и поводомъ" для котораго послужило „нѣчто внѣшнее, не зависящее отъ него" (случайно прочтенная имъ замѣтка), было рѣшено не имъ самимъ, а кѣмъ то другимъ, а о. Василій Ѳивейскій долго не замѣчалъ той „зловѣщей таинственной преднамѣренности, съ какой стекались бѣдствія на его голову", пока, наконецъ, не убѣдился до самой глубины душевной, что надъ всей его жизнью „тяготѣлъ суровый и загадочный рокъ". И если эти люди задумываются порой не надъ своей личной жизнью, а надъ жизнью всего человѣчества, то и она имъ представляется чѣмъ то безцѣльно-трагическимъ, безъ выхода къ лучшему. Когда Павелъ Рыбаковъ смотритъ на Исторію цивилизаціи Бокля, то она напоминаетъ ему о „множествѣ людей, которые испоконъ вѣковъ хотятъ устроить свою жизнь и не могутъ", „о жизни, въ которой все непонятно и совершается съ жестокой необходимостью".

Непонятная и безсердечная жизнь, съ которой

не могутъ справиться герои Л. Андреева, воплощается для нихъ обыкновенно въ видѣ большого города, который и является въ дѣйствительности символомъ современной жизни.

Служащій Петровъ (Городъ) выходитъ гулять только ночью, потому что днемъ онъ боялся „громаднаго и многолюднаго города", въ „многолюдіи и громадности" котораго было что-то „упорное, непобѣдимое и равнодушно-жестокое". „Колоссальной тяжестью своихъ каменныхъ раздутыхъ домовъ онъ давилъ землю, на которой стоялъ". Студентъ Сергѣй Петровичъ глубоко страдаетъ отъ того, что „обреченъ всю жизнь проводить въ узкой четырехугольной коробкѣ, на пыльныхъ грохочущихъ улицахъ", а въ душѣ о. Игнатія (Молчаніе) каждый разъ, какъ онъ думалъ о Петербургѣ, гдѣ погибла его дочка, поднималась „злая ненависть къ страшному и непонятному городу", полному „невѣдомыхъ опасностей и чуждыхъ, равнодушныхъ людей".

Изъ каменной темницы люди, изображенные Л. Андреевымъ, инстинктивно обращаются сердцемъ и глазами къ полямъ и лѣсамъ, къ простой, безхитростной жизни на лонѣ природы.

Сергѣй Петровичъ любилъ всѣмъ существомъ своимъ, „черную землю, давшую ему столько горя", и когда весной онъ видѣлъ „первый кусокъ ея, освободившійся отъ холоднаго и мертваго снѣга и словно вздыхавшій подъ солнцемъ", ему хотѣлось поцѣловать его долгимъ и нѣжнымъ по-

цѣлуемъ, какимъ цѣлуютъ „любимую женщину". А когда Петровъ однажды гулялъ по улицѣ, онъ вдругъ почувствовалъ, какая „толща каменныхъ домовъ отдѣляетъ его отъ широкаго свободнаго поля, гдѣ легко дышетъ подъ солнцемъ свободная земля и далеко окрестъ видитъ человѣческій глазъ". И ему почудилось, что онъ „задыхается" и „слѣпнетъ", и захотѣлось бѣжать, чтобы вырваться изъ „каменныхъ объятій" и было страшно подумать, что какъ бы скоро онъ ни бѣжалъ, его „будутъ провожать по сторонамъ все дома и дома", и онъ „успѣетъ задохнуться, прежде чѣмъ выбѣжать за городъ".

Неприспособленные къ новой городской цивилизаціи люди, изображенные Л. Андреевымъ, чувствуютъ невольную тягу внизъ, къ соціальному дну, къ первобытной жизни бродягъ—дикарей.

Студентъ естественныхъ наукъ, Сергѣй Петровичъ, предпочитаетъ книгамъ и ретортамъ физическую работу на вольномъ воздухѣ и не помнитъ себя отъ счастья, когда „чинитъ въ саду заборы и скамейки и копаетъ гряды, выворачивая блестящимъ скребкомъ ноздреватую, глянцевитую землю". Порой въ немъ вспыхиваетъ ненависть къ окружающей его городской цивилизаціи, и онъ „завидуетъ бродягамъ, сонъ которыхъ охраняютъ звѣзды".

Невѣдомая сила влечетъ къ отбросамъ общества и доктора Керженцева. Его тянетъ къ каторжникамъ „смутная надежда", что среди нихъ

онъ найдетъ „невѣдомые источники жизни“ и снова „станетъ себѣ другомъ“, и если даже эта мечта не оправдается, онъ, „все-таки хочетъ быть съ ними“, „хочетъ къ нимъ“.

И эта тяга къ соціальному дну, къ „тьмѣ“ незамѣтно переплетается въ душѣ нѣкоторыхъ болѣе активныхъ героевъ Л. Андреева съ анархической жаждой всеобщаго разрушенія.

„Я найду одну вещь, — восклицаетъ докторъ Керженцевъ—въ которой давно назрѣла необходимость. *Это будетъ взрывчатое вещество.* Такое сильное, какого еще не видали, сильнѣе динамита, сильнѣе нитроглицерина, сильнѣе самой мысли о немъ. *И когда я найду его, я взорву на воздухъ вашу проклятую землю*“. (Курсивъ Л. Андреева).

Невозможность приспособиться къ жизни, покорить ее себѣ, дѣлаетъ людей, изображенныхъ Л. Андреевымъ, чрезвычайно склонными къ всевозможнымъ психическимъ аномаліямъ. Они легко становятся жертвами навязчивыхъ идей, будь то мысль убить друга (докторъ Керженцевъ) или самого себя (Сергѣй Петровичъ), или мысль воскресить мертваго (Василій Ѳивейскій). Побѣжденные жизнью, слабые и немощные они въ кошмарныхъ видѣніяхъ воображаютъ себя чрезвычайно крупными фигурами, первыми шахматистами (докторъ Керженцевъ), божьими избранниками (Василій Ѳивейскій), чудотворцами, „одаренными безграничнымъ могуществомъ“ (Егоръ Тимофеевичъ въ „Призракахъ“).

Только въ безумныхъ мечтахъ имъ удается побѣдить жизнь, которая ихъ побѣдила въ дѣйствительности.

IV.

Таковъ міръ настроеній и образовъ, раскрывающійся въ раннихъ произведеніяхъ Л. Андреева.

На этомъ своеобразномъ мірѣ лежитъ отпечатокъ психологіи цѣлаго общественнаго класса въ извѣстный моментъ его историческаго существованія. Этотъ классъ—мелкая буржуазія (включая сюда и интеллигенцію).

Въ современномъ капиталистическомъ обществѣ, —а съ 90 годовъ Россія явно становится капиталистической страной по западно-европейскому образцу — мѣщанство занимаетъ неустойчивое — потому что промежуточное — положеніе между буржуазіей и рабочимъ классомъ. Инстинктивная боязнь „стать въ ряды пролетаріата", какъ выражается докторъ Керженцевъ, заставляетъ мелкаго буржуа и въ особенности интеллигента всей душой стремиться стать въ ряды буржуазіи, стать „милліонеромъ", какъ мечтаетъ студентъ—естественникъ Сергѣй Петровичъ.

Однако, этотъ переходъ снизу вверхъ удается лишь наиболѣе одареннымъ и приспособленнымъ, вообще лишь немногимъ. Большинство, состоящее изъ людей въ родѣ Сергѣя Петровича, живетъ подъ вѣчнымъ страхомъ ежеминутно быть стер-

тыми и смытыми безжалостной жизнью и при этомъ они ясно сознаютъ, что ходъ жизни совершается помимо и даже противъ ихъ личной воли.

У болѣе пассивныхъ и слабыхъ представителей этой разлагающейся общественной группы незамѣтно складывается инстинктивный ужасъ передъ жизнью, инстинктивное желаніе уйти отъ людей въ одиночество, на ряду съ такой же инстинктивной вѣрой въ слѣпой фатумъ, царящій надъ міромъ.

У болѣе активныхъ и сильныхъ духомъ членовъ этого класса накопляется въ свою очередь страстная ненависть къ существующему порядку вещей, и такъ какъ они нигдѣ не видятъ выхода изъ него, въ виду того, что для большинства такого выхода и нѣтъ, то это отрицательное отношеніе къ дѣйствительности переходитъ у нихъ легко въ чисто анархическое желаніе все уничтожить, „взорвать проклятую землю", какъ мечтаетъ Керженцевъ.

Тотъ пессимизмъ, фатализмъ и анархизмъ, которые окрашиваютъ раннія произведенія Л. Андреева въ такой своеобразный цвѣтъ, являются такимъ образомъ настроеніями, унаслѣдованными отъ той соціальной группы, изъ которой онъ вышелъ и отъ которой духовно не эмансипировался, хотя нѣкоторыя изъ этихъ классовыхъ настроеній, напр., страхъ передъ жизнью или вѣра въ призрачность бытія, могли осложниться у него индивидуальными особенностями его психики.

Л. Андреевъ—типическій представитель мѣщанства, но мѣщанства, разлагающагося подъ напоромъ развивающагося капитализма [1]).

Не даромъ и не случайно въ тотъ самый годъ, когда Россія въ кровавыхъ мукахъ превращалась въ страну буржуазіи, Андреевъ написалъ пьесу, которую озаглавилъ „Савва“ и которую съ неменьшимъ правомъ можно было бы назвать трагедіей мѣщанства.

Изъ этого міра, на видъ какъ будто крѣпкаго, гдѣ тонъ задаетъ трактирщикъ Егоръ Ивановичъ Тропининъ, гдѣ и церковь не болѣе, какъ лавочка, гдѣ царятъ эксплуатація и пьянство, суевѣрія и невѣжество, изъ этого міра уже подточеннаго и шатающагося, выходятъ совсѣмъ особые протестанты, совсѣмъ не похожіе на тѣхъ, которые вели за собой страну въ этотъ бурный годъ.

Одни—наиболѣе сентиментальные, наиболѣе при-

---

[1]) Въ послѣдней своей пьесѣ „Дни нашей жизни“ Андреевъ выводитъ студента Мишку, направо и налѣво награждающаго всѣхъ безъ разбору эпитетомъ „мѣщанина“. Мѣщаниномъ является у него и Ницше. Очевидно, это каррикатура на марксизмъ. Несмотря на этотъ камешекъ, брошенный въ марксизмъ, мы все-таки позволимъ себѣ назвать Л. Андреева мѣщаниномъ. Ницше мы, конечно, не отнесемъ къ разряду мѣщанъ, его, который былъ типичнымъ антимѣщаниномъ, идеологомъ господскихъ классовъ и прежде всего прусскаго юнкерства. Но мы должны подчеркуть, что въ слово мѣщанинъ мы вкладываемъ не моральное, а только *соціологическое* и *психологическое* содержаніе.

верженные къ старинѣ—видятъ, какъ и Василій Өивейскій, въ молитвѣ и чудѣ единственную опору противъ безжалостнаго напора новой жизни.

Липа, дочь трактирщика, вся исполнена безпредѣльной жалости къ бѣднымъ и страждущимъ, которыми, какъ ей кажется, наполненъ весь міръ. Въ ночной тишинѣ, когда „только колоколъ на часахъ", она мучительно думаетъ о томъ, сколько вокругъ „страданій, безцѣльныхъ, никому ненужныхъ, даже никому неизвѣстныхъ", и „холодѣетъ отъ ужаса". „Я становлюсь на колѣни — разсказываетъ она брату — и молюсь и говорю Богу: если нужна жертва, такъ возьми меня, но дай людямъ радость, дай имъ покой, дай имъ, наконецъ, забвенія". Если бы ея тѣло могло стать „хлѣбомъ и радостью" для ближнихъ," она охотно согласилась бы „жить вѣчно въ страданіяхъ", „кормить имъ несчастныхъ".

Постепенно вся душа Липы проникается чисто патологической любовью ко всему, что не нужно въ жизни, ко всему, что выкинуто за бортъ общественнаго корабля, ко всему тому, что потеряло образъ и подобіе человѣка.

Это—разновидность той самой тяги къ „тьмѣ", внизъ, которую испытали и Сергѣй Петровичъ, и докторъ Керженцевъ. Липа любитъ вмѣшиваться въ толпу богомольцевъ, идущихъ поклониться чудотворной иконѣ". „Какіе уроды! Какіе калѣки!—восклицаетъ она въ экстазѣ. — „Я потомъ хожу, какъ сумасшедшая, я во снѣ ихъ вижу".

Другіе протестанты изъ міра Егора Ивановича болѣе активные и смѣлые—проникаются не сентиментальной жалостью къ несчастнымъ и гибнущимъ, а ярой ненавистью ко всему существующему порядку вещей.

Младшій сынъ трактирщика Савва „видѣлъ церкви и каторгу, университеты и дома терпимости, фабрики и картинныя галлереи, дворцы и норы въ навозѣ“ и рѣшилъ, что такой міръ не долженъ существовать. Въ немъ накипала ненависть къ человѣку (вообще), „страшнѣе котораго на землѣ нѣтъ ничего“.

Чистокровный индивидуалистъ, какъ типическій сынъ мѣщанской среды, Савва вступилъ въ организацію террористовъ, но скоро ушелъ, рѣшивъ, что они занимаются „пустымъ“ дѣломъ. Между тѣмъ, какъ они «рубятъ по одному дереву», онъ задался мыслью сразу «вырубить весь здоровенный лѣсище». Изъ террориста онъ превратился въ анархиста съ программой «уничтожить все». «Нужно, чтобы теперешній человѣкъ голый остался на голой землѣ»—таковъ его девизъ. Сначала онъ уничтожитъ «главнаго врага людей» —Бога (т.-е. представленіе о Богѣ), затѣмъ примется за «Тиціановъ, Шекспировъ, Пушкиныхъ и Толстыхъ» и наконецъ взорветъ всѣ города, эти „каменныя могилы, въ которыхъ люди задыхаются“.

И если Липа представляетъ себѣ въ экстазѣ многомилліонную толпу калѣкъ и уродовъ, ждущихъ чуда отъ иконы, то Савва съ такимъ же

восторгомъ рисуетъ себѣ картину всеобщаго разрушенія.

«Я вижу пламя, я слышу трескъ. Горятъ церкви, горятъ фабрики, лопаются котлы, конецъ рабьему труду».

Идетъ «свободный человѣкъ», который на «оголенной» землѣ построитъ «новую жизнь».

Наконецъ, третья разновидность протестующихъ отщепенцевъ мѣщанскаго міра совсѣмъ отрицаетъ жизнь, которая для нихъ только — призрачная химера.

Наслыгіавшись отъ семинариста Сперанскаго мудрыхъ рѣчей о томъ, что все есть «сонная греза», старшій сынъ трактирщика, Тюха переводитъ эту мысль на свой пьяный мужицкій жаргонъ: «ничего нѣтъ... рожи однѣ есть... множество рожъ... какія далекія, какія совсѣмъ близкія... я сижу, а онѣ около меня такъ и прыгаютъ». Семинаристъ Сперанскій доводитъ эту своеобразную философію, провозглашающую жизнь небытіемъ, до ея логическаго конца, объявляя небытіе—жизнью. «Въ дѣйствительности существуютъ только мертвые и только ихъ можно и должно любить».

Въ этой пьесѣ Л. Андреевъ сконцентрировалъ въ трехъ выдержанныхъ образахъ безпорядочно-разбросанныя въ его раннихъ произведеніяхъ три основныхъ настроенія мѣщанскаго міра, распадающагося подъ напоромъ капитализма—сентиментальную тягу внизъ къ уродству и искалѣчен-

ности, къ «тьмѣ» (Лица), террористическій анархизмъ (Савва) и отрицаніе жизни во имя смерти, превращеніе смерти въ жизнь (Тюха—Сперанскій).

V.

Судьба, противъ которой такъ часто возстаютъ герои Л. Андреева, надѣлила его самого большимъ талантомъ и дала ему возможность выйти побѣдителемъ изъ борьбы за существованіе.

Въ отличіе отъ Сергѣя Петровича, онъ если и не сталъ „милліонеромъ", то во всякомъ случаѣ поднялся съ „низу" на „верхъ".

Но и въ эту новую и иную соціальную среду, куда ему удалось „пробиться", онъ принесъ съ собой тотъ безпросвѣтный пессимизмъ, который выросъ чернымъ цвѣткомъ въ почвѣ другого общественнаго слоя.

Вслѣдъ за „Саввой"—трагедіей мѣщанина—отщепенца въ мѣщанской средѣ—Л. Андреевъ создаетъ „Жизнь человѣка" — трагедію того же мѣщанина, но уже въ средѣ буржуазной.

Талантливый архитекторъ — мы назовемъ его Сергѣемъ Петровичемъ, потому что очень возможно, что именно такъ звучало его имя и отчество—долго маялся въ безвѣстности и бѣдности, потому что у него нѣтъ ни „покровителей", ни „удачи", а безъ нихъ при существующихъ условіяхъ никакъ не „пробьешься впередъ".

Но теперь, когда для самого автора полоса

безвѣстности и бѣдности лежитъ далеко позади въ царствѣ воспоминаній, молодость архитектора Сергѣя Петровича рисуется ему въ тѣхъ свѣтлыхъ и радужныхъ тонахъ, въ которыхъ нѣкогда живописалъ Мюрже бытъ парижской Богемы.

Въ отличіе отъ студента Сергѣя Петровича, которому такъ на роду было написано, что онъ погибнетъ, архитекторъ Сергѣй Петровичъ, заранѣе увѣренный въ побѣдѣ, ужъ не падаетъ духомъ отъ невзгодъ и печалей, а смѣло вызываетъ судьбу на поединокъ.

— „Эй, ты,—какъ тебя тамъ зовутъ: рокъ, діаволъ или жизнь, я бросаю тебѣ перчатку, зову тебя на бой. Малодушные люди преклоняются передъ твоей загадочной властью, твое каменное лицо внушаетъ имъ ужасъ. А я смѣлъ и силенъ и зову тебя на бой".

Но какъ Сергѣй Петровичъ, студентъ-естественникъ, такъ и Сергѣй Петровичъ, архитекторъ, въ своихъ мечтахъ не идетъ дальше обывательскаго идеала сытой и комфортабельной жизни. Онъ купитъ участокъ земли, выстроитъ себѣ дворецъ, будетъ вкусно ѣсть. Какъ „шумящая звонкая сказка" слетитъ къ нему слава и когда онъ пройдетъ съ женой по улицѣ, кругомъ раздастся благоговѣйный шопотъ: „Счастливая родина, имѣющая такихъ дѣтей".

И только на мгновеніе у него мелькаетъ мысль о постройкѣ Народнаго Дома.

Архитекторъ не ошибся въ своемъ прогнозѣ.

Въ одно прекрасное утро къ дому подъѣхалъ автомобиль, и два господина вошли въ бѣдную комнату—а съ ними пришли „богатство и слава“. Сдѣлавшись моднымъ архитекторомъ, Сергѣй Петровичъ скоро забылъ о народномъ домѣ и сталъ строить „Bierpaläste, сецессіоны и казармы для богатыхъ буржуа“, выражаясь словами его коллеги изъ романа Пшибышевскаго „Сыны земли“. Всѣ его мечты сбылись—онъ зажилъ „пышно“ и „богато“, люди преклонялись передъ нимъ, и онъ имѣлъ даже то, о чемъ юношей не смѣлъ мечтать—свой собственный автомобиль.

Казалось бы, чего лучше!

И однако изъ того темнаго „низа“, гдѣ такъ долго витало вдохновеніе Л. Андреева, онъ принесъ съ собой въ богатые и пышные хоромы „верхнихъ“ десяти-тысячъ прежнее недовѣріе къ жизни, коварной, обманчивой и невѣрной.

Пусть въ современномъ буржуазномъ обществѣ положеніе всякаго художника нѣсколько неустойчиво, какъ положеніе всякаго производителя товаровъ.

Быстро, какъ всякая мода, мѣняется въ царствѣ капитала, и мода эстетическая. Сегодня богъ, художникъ завтра можетъ быть паріемъ. И однако надо признаться, что такая „несправедливая“ и „жестокая“ судьба постигаетъ лишь второстепенные таланты. Кажется, нѣтъ ни одного случая, чтобы крупный художникъ, достигшій славы, кончилъ безвѣстнымъ бѣднякомъ

только потому, что пересталъ „нравиться", другими словами *только* потому, что измѣнилась мода. Если бывали случаи, что видный художникъ впадалъ въ нищету или стѣсненное матеріальное положеніе, то въ этомъ бывали виноваты обыкновенно другія причины, или негодованіе „общества" на безнравственное поведеніе, какъ это случилось съ О. Уайльдомъ, или соображенія политическія, какъ это имѣло мѣсто съ Золя, доходы котораго сразу сократились втрое послѣ его участія въ дѣлѣ Дрейфуса, послѣ его знаменитаго письма „J'accuse".

Архитекторъ Сергѣй Петровичъ велъ образъ жизни безукоризненной въ нравственномъ отношеніи и совершенно не участвовалъ въ политической жизни страны— и, однако, какъ-то неожиданно-быстро онъ падаетъ въ прежнее ничтожество, изъ котораго такъ сказочно поднялся наверхъ. Его „разлюбили" и „забыли", потому что онъ пересталъ „нравиться".

Чтобы еще ярче выставить на показъ всю ненадежность и всю безнадежность жизни не только „внизу", но и „наверху", Л. Андреевъ осложняетъ трагедію художника еще и трагедіей отца.

Единственный любимый сынъ архитектора, на которомъ лежала обязанность „поправить" дѣла отца, умираетъ въ цвѣтѣ лѣтъ, сраженный камнемъ, брошеннымъ изъ-за угла какимъ-то трусливымъ негодяемъ.

Пусть горе осиротѣвшихъ родителей у свѣжей могилы сына понятно,—путь съ ихъ устъ можетъ сорваться крикъ отчаянія и даже стонъ проклятія, но развѣ не могла бы послужить имъ на утѣшеніе мысль, что сынъ, по словамъ старой служанки, „добрый и смѣлый молодой человѣкъ, который за бѣдныхъ заступался", палъ въ битвѣ жизни за правое дѣло, хотя безвременно, но какъ истинный рыцарь? (а не театральный только, какимъ былъ въ юности его отецъ). Но, очевидно, такія альтруистическія мысли объ общемъ благѣ не помѣщаются въ головѣ андреевскаго архитектора, который никогда не шелъ дальше мечты о собственномъ сытомъ благополучіи и въ сынѣ видѣлъ прежде всего возстановителя своихъ пошатнувшихся дѣлъ.

Такъ кончилась полнымъ крушеніемъ карьера не только того Сергѣя Петровича, который отъ рожденія былъ обреченъ быть неудачникомъ, но и того Сергѣя Петровича которому на мгновеніе удалось „пробиться впередъ".

Но если студентъ-естественникъ нашелъ въ себѣ достаточно мужества, путемъ самоубійства восторжествовать надъ злымъ Рокомъ, то архитекторъ способенъ уже только на театральный, чисто словесный протестъ противъ „жестокой" и „несправедливой" судьбы.

— „Я проклинаю все, данное тобой! Проклинаю день, въ который я родился, проклинаю день, въ который я умру! Проклинаю всю жизнь, ея радости и горе!

Проклинаю себя".

И снова встаетъ надъ жизнью, какъ самодержавный господинъ, неумолимый Рокъ,—Нѣкто въ сѣромъ. Безсильны передъ нимъ молитвы и проклятія. Равнодушно стоитъ онъ, какъ каменное изваяніе, пока въ рукѣ не догоритъ свѣча.

И какимъ ничтожнымъ и жалкимъ кажется передъ этимъ каменнымъ сфинксомъ царь творенья—человѣкъ.

„Ограниченный зрѣніемъ, онъ не видитъ слѣдующей ступени, на которую уже поднимается нетвердая его нога. Ограниченный знаніемъ, онъ никогда не знаетъ, что несетъ ему грядущій день. И въ слѣпомъ невѣдѣніи, томимый предчувствіями, волнуемый надеждами и страхомъ, онъ покорно совершаетъ кругъ *желѣзнаго предначертанія*".

„Жизнь человѣка"—типическая трагедія мѣщанина, трагедія всего мѣщанства.

Подобно тому, какъ мелкая буржуазія постоянно стремится „вверхъ" въ царство капитала, и постоянно низвергается „внизъ" въ міръ пролетаріата, такъ Андреевъ изобразилъ здѣсь не только исторію человѣка, который шелъ отъ „низа" къ „верху", но и, повинуясь внутреннему голосу больше, чѣмъ требованію правдоподобія, исторію человѣка, который такъ же быстро упалъ „съ верху" къ „низу".

И въ центрѣ событій, какъ символъ „неспра-

ведливаго" и „жестокаго" Рока, онъ поставилъ каменное изваяніе—Нѣкоего въ сѣромъ.

VI.

Между тѣмъ, какъ Л. Андреевъ совершалъ свой блистательный переходъ «отъ низа» — «къ верху» —страна переходила отъ стараго къ новому укладу жизни.

Впродолженіе двухъ лѣтъ на авансценѣ жизни стояли интеллигенты совсѣмъ другого психическаго тона, совсѣмъ иной формаціи, чѣмъ тотъ обыватель-мѣщанинъ или мѣщанинъ-отщепенецъ, душу которыхъ такъ хорошо постигъ авторъ „Саввы" и „Жизни человѣка".

Это были уже не одинокіе люди, стоявшіе какъ „планеты среди планетъ", со всѣхъ сторонъ окруженные „зіяющей пустотой". Они жили не личной, а общей жизнью, сливались съ тѣми классами, интересы которыхъ отстаивали, съ той партіей, къ которой принадлежали. Сознавая себя частью цѣлаго, они руководились въ своихъ поступкахъ благомъ этого коллектива. Они не были и пессимистами. Какъ бы ни складывалась ихъ личная жизнь, они вѣрили въ конечное торжество своихъ идеаловъ и вдали имъ мерещилась не „оголенная", а цвѣтущая и счастливая земля. Наконецъ, они не были и фаталистами. Не закрывная глаза на то, что творчество личности и класса ограничены соціально-экономическими усло-

віями, допуская, что исторія имѣетъ свои непреложные законы они, знали, что въ предѣлахъ этой „необходимости“ все же открывается широкій просторъ для иниціативныхъ дѣйствій.

Словомъ, эти люди представляли прямую противоположность обывателя и мѣщанина.

Передъ Л. Андреевымъ стала трудная задача изобразить столь чуждый его собственной натурѣ психологическій типъ. Можно было заранѣе предсказать, что онъ не справится съ этой новой для него темой. И въ самомъ дѣлѣ! Подобно тому, какъ въ „Жизни человѣка“ онъ изобразилъ соціальный верхъ въ значительной степени сквозь призму родной ему стихіи, такъ точно надѣлилъ онъ и этихъ интеллигентовъ—настроеніями, свойственными совсѣмъ другой соціально-психологической категоріи.

Изображенные Л. Андреевымъ активные интеллигенты заняты преимущественно личными, а не общими дѣлами, интересуются болѣе всего собственной особой, а не благомъ другихъ, совершенно такъ же, какъ нарисованные имъ обыватели-мѣщане.

Маруся (Къ звѣздамъ) съ большей живостью реагируетъ на событія, лично касающіяся ея, нежели на успѣхъ и пораженія того дѣла, которому служитъ. Всего нѣсколько дней послѣ пораженія пролетаріата она весело распѣваетъ пѣсни и мечтаетъ о шампанскомъ, потому что ея женихъ спасся, а когда послѣдній погибаетъ въ

тюрьмѣ, она проникается ненавистью не къ его противникамъ, погубившимъ его, а ко *всѣмъ* людямъ безъ исключенія и хочетъ отъ нихъ уйти, какъ можно дальше. Пусть радость и скорбь Маруси понятны—нужно думать, въ душѣ человѣка, свою жизнь посвятившаго такой крупной задачѣ, какъ она, личная радость будетъ нѣсколько смягчена неуспѣхомъ дѣла, а личная скорбь будетъ уравновѣшена вѣрой въ конечное торжество идеала.

Террористъ Алексѣй (Тьма) вдохновлялся въ своей „страшной и опасной азартной игрѣ“ не столько извѣстной программой, сколько мыслью о своемъ нравственномъ превосходствѣ передъ людьми. „*Только* тѣмъ онъ и жилъ, что хорошій, *только* этому и радовался, *только* это и противоставлялъ и жизни и смерти“. И когда потомъ онъ рѣшаетъ пойти на площадь въ рубищѣ каторжника или пропойцы и повѣдать міру правду, то на этотъ подвигъ его толкаетъ не столько самая эта правда, а опять таки мысль о его собственной „хорошести“. „Развѣ тамъ на площади—думалъ онъ—передъ этими разинутыми ртами, я не буду *выше ихъ всѣхъ*? Голый, грязный, оборванный, самъ отдавшій все, развѣ я не буду грознымъ глашатаемъ вѣчной справедливости?“

Какъ въ жизни, такъ, естественно, и передъ смертью эти интеллигенты (по волѣ Л. Андреева), заняты болѣе всего своей особой, забывая о томъ дѣлѣ,

которому служать. Муся (Разсказъ о семи повѣшенныхъ) представляла себѣ наканунѣ казни, какъ теперь волнуются„ изъ-за нея“ люди, какъ мучаются, какъ жалѣютъ и ей было „совѣстно до красноты“. Она хотѣла теперь „только одного“ доказать людямъ, что она не виновата въ томъ, что „изъ-за нея“ поднимаютъ такой „шумъ“.

И она испытывала „несказанную радость“ при мысли о томъ, что она—такая „маленькая и незначительная“ „принята въ лоно“, что уже при жизни она стала „безсмертной“.

Изображенные Л. Андреевымъ активные интеллигенты отличаются не только обычнымъ у его обывателей эгоцентризмомъ, крайне щепетильнымъ отношеніемъ къ своей собственной особѣ, но и характерной для его персонажей крайней психической неустойчивостью.

Террористъ Алексѣй (Тьма) всегда зналъ, конечно, что на свѣтѣ есть люди хорошіе и люди плохіе, и очевидно дѣлалъ отсюда выводъ, что необходимо создать такія условія, при которыхъ всѣ могли бы стать хорошими, такія условія, при которыхъ стыдно будетъ быть плохимъ, а не тотъ нелѣпый выводъ, что если на свѣтѣ существуютъ плохіе, то „стыдно быть хорошимъ“. И однако, какъ только проститутка Люба бросаетъ вскользъ эту мысль, она такъ властно захватываетъ его мозгъ, какъ идея убить друга или воскресить мертвеца сковала мозгъ доктора Керженцева и Василія Ѳивейскаго. Въ какое нибудь мгновенье

вся его жизнь распалась, какъ „плохо склеянный, запертый ящичекъ, попавшій подъ осенній дождь".

Алексѣй вспоминалъ товарищей и они, съ которыми онъ *всю жизнь* работалъ въ „дивномъ единеніи радости и горя", показались ему *вдругъ*— „чужими". Точно „кто-то вдругъ взялъ его душу мощными руками и переломивъ ее всю, какъ палку, о жесткое колѣно, далеко разбросалъ ея концы". Всего лишь *нѣсколько* часовъ пробылъ онъ съ глазу на глазъ съ Любой, а уже чувствовалъ, что „мучительно противъ всего того, что еще *сегодня* утромъ составляло его жизнь и душу".

Былъ одинъ моментъ, когда, казалось, разсѣется злой кошмаръ. Оставалось только открыть дверь и за нею вновь найти „товарищей, прекрасную жизнь, и геройскую смерть", но случайно брошенная въ его мозгъ мысль такъ отравила его, что онъ „все-таки" совершилъ „дикій, непонятный поступокъ". И даже, когда потомъ столь странно его околдовавшая проститутка, подъ чарами его разсказовъ о товарищахъ, превратилась въ одно жгучее желаніе, участвовать въ этой „новой, радостной, могучей жизни", онъ только безнадежно махнулъ рукой и механически повторялъ чужую мысль: „стыдно быть хорошимъ". Въ *нѣсколько* мгновеній „все, что онъ узналъ *въ теченіе жизни*, все, что онъ полюбилъ и передумалъ,—разговоры съ товарищами, книги, опасная

и завлекательная работа"—все „безшумно сгорало и безслѣдно уничтожалось".

И та же самая психическая неустойчивость отличаетъ Василія Каширина (Разсказъ о семи повѣшенныхъ).

Еще утромъ, когда онъ шелъ на явную гибель, онъ „фамильярничалъ" со смертью, а когда очутился въ тюрьмѣ, то страхъ смерти пришелъ „сразу" и овладѣлъ имъ „властно и безраздѣльно". Съ нимъ „сразу", „вдругъ" произошла „рѣзкая дикая, ошеломляющая перемѣна". Все окружающее превратилось для него въ какой-то „фантастическій міръ", въ міръ „призраковъ и куколъ". А когда ужасъ становился „невыносимымъ", онъ принимался умильно шептать молитвы. Если Алексѣй въ одно мгновеніе „сгорѣлъ", то Василій умеръ, по выраженію Муси, еще раньше, чѣмъ его казнили.

Андреевъ надѣляетъ далѣе этихъ активныхъ интеллигентовъ той усталостью и разочарованностью, которыя характеризуютъ его обывателей—мѣщанъ!

Вернеръ (Разсказъ о семи повѣшенныхъ)—душа и воля организаціи—оказывается въ дѣйствительности человѣкомъ утомленнымъ „жизнью и борьбой". На днѣ его сердца уже два года царятъ „отчаяніе" и „тяжелая почти смертельная усталость". Онъ „презираетъ" людей и радъ, что попалъ въ тюрьму, точно „тюрьмой" была вся жизнь, проведенная имъ на „волѣ".

Андреевъ надѣляетъ затѣмъ активныхъ интеллигентовъ сентиментальной слезливостью, свойственной скорѣе обывателю, мелкому буржуа.

Таня Ковальчукъ (Разсказъ о семи повѣшенныхъ) плакала въ тюрьмѣ цѣлыми часами, какъ „умѣютъ плакать старыя женщины, знавшія много горя", или молодые, но очень „жалостливые" люди. Сама на волосокъ отъ смерти, она „мучительно" думаетъ, есть ли табакъ у Сережи, не лишенъ ли Вернеръ своего привычнаго крѣпкаго чая.

Жалость Тани, обращенная на товарищей, распространяется у Маруси (Къ звѣздамъ) на всѣхъ убогихъ и калѣкъ, на всѣхъ, черезъ кого прошла желѣзная колесница жизни. Послѣ гибели жениха, она находитъ себѣ новую странную задачу. Она построитъ городъ и поселитъ въ немъ всѣхъ „убогихъ, калѣкъ, сумасшедшихъ, слѣпыхъ, глухонѣмыхъ, идіотовъ, всѣхъ изъѣденныхъ язвами и разбитыхъ параличемъ".

Пусть эта тирада, произнесенная въ минуту остраго горя, направлена къ тому же спеціально противъ астронома Сергѣя Николаевича („противъ кого это?"—спрашиваетъ онъ; „противъ тебя" отвѣчаетъ она),—все же странно слышать изъ устъ смѣлой дѣвушки, недавно героическими усиліями спасшей знамя рабочаго класса, сентиментально-филантропическія мечты истерички Липы Тропининой.

И эта странная сентиментальная тяга внизъ,

къ искалѣченнымъ и отверженнымъ переходитъ въ какой-то патологическій кошмаръ въ душѣ Алексѣя, героя Тьмы. Съ восторгомъ рисуетъ онъ себѣ картину, какъ онъ самъ станетъ такимъ же „грязнымъ, падшимъ и несчастнымъ, какъ всѣ“, какъ онъ придетъ въ кабакъ, домъ терпимости или на каторгу и скажетъ: „теперь я ни въ чемъ не виноватъ передъ вами“. Если Маруся грезитъ собрать въ одинъ городъ всѣхъ калѣкъ и уродовъ, то Алексѣй съ пафосомъ произноситъ тостъ въ честь всѣхъ „раздавленныхъ жизнью“ и, созвавъ обитательницъ вертепа, съ сладострастной мукой бросаетъ имъ подъ ноги свою „чистую“ жизнь, подобную „прекрасной вазѣ изъ фарфора“. „Если нашими фонариками нельзя освѣтить тьму—восклицаетъ онъ—то погасимъ огни и всѣ полѣземъ въ тьму“.

И незамѣтно изъ-за чертъ террориста Алексѣя выступаетъ знакомое лицо анархиста Саввы, лицо „первобытнаго бунтаря“.

По мѣрѣ того, какъ онъ выпивалъ одну за другой нѣсколько рюмокъ коньяку (онъ, никогда раньше не употреблявшій алкоголя), съ него спадала шелуха культурнаго человѣка и онъ какъ бы возвращался назадъ, къ какому-то „первоначалу своему“, къ „дѣду“ или „прадѣду“. Какъ „линючая краска подъ горячей водой“, такъ „смывалась и блекла книжная чуждая мудрость“ и на ея мѣсто вставала другая „дикая и темная“, какъ „голосъ самой черной земли“. Отъ этой мудрости

вѣяло „дикимъ просторомъ", „безграничностью дремучихъ лѣсовъ и безбрежностью полей". Въ ней слышался „смятенный крикъ колоколовъ", видѣлось „кровавое зарево пожаровъ" раздавались и „звонъ желѣзныхъ кандаловъ" и „изступленныя молитвы" и „сатанинескій хохотъ тысячи исполинскихъ глотокъ"—слышался голосъ „первобытныхъ бунтарей, для которыхъ бунтъ былъ религіей".

Такъ надѣлялъ Л. Андреевъ активнаго интеллигента настроеніями, которыя онъ самъ получилъ по наслѣдству отъ родной соціальной среды.

Люди, съ большой потребностью коллективной жизни, у него живутъ преимущественно личными ощущеніями. Люди крѣпкой психики превращаются подъ его перомъ въ неустойчивыхъ неврастениковъ. Люди, идейные прежде всего, у него становятся плаксивыми сантименталистами. Борцы по натурѣ у него выходятъ „усталыми душами". Люди, мечтающіе всѣхъ поднять наверхъ, проповѣдуютъ необходимость итти „внизъ". Современные революціонеры у него одарены чувствами „первобытныхъ бунтарей".

VII.

Переломъ, происшедшій въ началѣ XX в. въ русской жизни, былъ въ конечномъ счетѣ дѣломъ не отдѣльныхъ лицъ изъ интеллигенціи, а широкихъ народныхъ массъ.

Роль протагониста, роль передового авангарда въ этомъ массовомъ движеніи игралъ рабочій классъ.

Передъ глазами Л. Андреева поднялась новая для него соціальная среда съ своей особой психологіей и можно было предвидѣть, что ему не удастся дать вѣрную картину душевной жизни массы.

Подобно тому, какъ онъ надѣлилъ активныхъ интеллигентовъ чувствами, выработанными мѣщанской средой, такъ точно перенесъ онъ и въ сердце рабочаго класса настроенія, характерныя для другой соціальной сферы.

Необходимо, впрочемъ, оговориться.

Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ октябрьскихъ дней Андреевъ сбросилъ съ себя путы унынія, сантиментальности и фатализма и создалъ интересный типъ сознательнаго пролетарія, типъ, діаметрально противоположный его собственной натурѣ.

Трейчъ (Къ звѣздамъ) появляется въ затерянной въ горахъ обсерваторіи, гдѣ люди заняты своими семейными дѣлами (Инна Александровна), устройствомъ своей карьеры (Поллакъ) или въ лучшемъ случаѣ отвлеченными научными интересами (Сергѣй Николаевичъ), гдѣ царятъ хандра (Житовъ), печальная растерянность (Лунцъ) или нервозность, доходящая до истеріи (Петя) и когда онъ появляется въ этомъ нѣсколько угрюмомъ и филистерскомъ горномъ гнѣздѣ, все сразу кругомъ мѣняется, какъ будто горячее солнце раз-

сѣяло ночную мглу и растопило послѣдній зимній ледъ.

Всѣмъ становится немного стыдно за свою мелочность, немного неловко за вѣчное копаніе въ своей драгоцѣнной особѣ и такъ легко, свободно и хорошо, какъ будто за горами вдругъ раскрылась перспектива въ сіяющую даль.

Трейчъ—весь бодрость и жизнерадостность. Онъ въ самомъ дѣлѣ похожъ на солнце, которое по его словамъ „вѣдь тоже пролетарій". Онъ не знаетъ „пораженій" и для него существуютъ только „побѣды". Проникнутый жаждой творчества, онъ твердой рукой чертитъ программу класса, сознавшаго свою историческую миссію.

„Земля—это воскъ въ рукахъ человѣка. Надо мять, давить,—творить новыя формы. Надо итти впередъ. Если встрѣтится пропасть, ее надо перелетѣть. Если нѣтъ крыльевъ, ихъ надо сдѣлать. Но надо итти впередъ, пока свѣтитъ солнце".

А если оно погаснетъ—возражаютъ ему.

„Тогда нужно зажечь новое"!—отвѣчаетъ онъ спокойно.

Этотъ гордый и смѣлый типъ не долго стоялъ въ полѣ зрѣнія Л. Андреева.

Слишкомъ крѣпко связанный съ другой соціальной средой, гдѣ царятъ пессимизмъ, жалость къ убогимъ, вѣра въ фатумъ и бунтарская жажда безсмысленнаго разрушенія, онъ не могъ послѣдовать за Трейчемъ въ тотъ міръ, гдѣ все ды-

шетъ отвагой, жизнерадостностью, стремленіемъ къ творчеству и надеждой на будущее.

Когда онъ задался цѣлью изобразить въ „Царѣ-Голодѣ" проблему массоваго движенія, свѣтлый образъ Трейча уже успѣлъ растаять въ сумеркахъ его души. Полученныя по наслѣдству отъ родной соціальной стихіи настроенія оказались сильнѣе новыхъ впечатлѣній отъ жизни и изъ горнила его вдохновенія рабочая масса выходитъ со всѣми чертами, характеризующими распадающіеся средніе слои общества — съ ихъ усталостью и растерянностью, ихъ колебаніемъ между сантиментальной чувствительностью и анархическимъ бунтарствомъ.

Изъ рабочей массы выдѣляется теперь, прямой антиподъ Трейча, „старый, какъ земля" рабочій съ „тускло-покорными глазами". Во всей его фигурѣ чувствуется какая-то „тяжелая и мучительная бычачья тупость". Онъ совершилъ „всѣ двѣнадцать подвиговъ" Геркулеса и такъ „измѣнилъ лицо земли, что ее не узналъ бы и самъ ея Творецъ".

— „И я не знаю, зачѣмъ я это дѣлалъ?— говоритъ онъ недоумѣвающе. „Къ какой *цѣли стремился я*? Моя голова тупа. Я усталъ *смертельно*".

Изъ той же рабочей массы выдѣляется чахоточный поэтъ, вдохновеніе котораго загорается не отъ думъ, витающихъ вокругъ судьбы всего класса, а при сантиментальной мысли о томъ, что кровь его превратилась въ алую розу, кото-

рой была украшена грудь „богатой и красивой дамы“.

Если отдѣльные типическіе представители рабочаго класса надѣлены свойственными обывателямъ-мѣщанамъ усталой растерянностью и слезливой чувствительностью, то вся рабочая масса въ цѣломъ заражена тѣмъ чисто-разрушительнымъ анархизмомъ, который отличалъ и Керженцева и Савву и Алексѣя. Забывъ свѣтлый завѣтъ Трейча о необходимости „творить новыя формы“, она выходитъ на улицу съ крикомъ: „Ломайте машины, рѣжьте ремни, заливайте котлы“.

И этотъ анархическій призывъ къ разрушенію фабрикъ, звучащій отголоскомъ давно умершей старины, такъ тѣсно сливается съ еще болѣе дикимъ лозунгомъ „стереть все съ лица земли“, вырывающимся изъ устъ босяковъ, что въ этомъ хорѣ согласныхъ варварскихъ голосовъ перестаешь отличать рабочихъ отъ оборванцевъ.

Быть можетъ ни въ чемъ не сказалась такъ отчетливо живущая на днѣ андреевской души невольная тяга „внизъ“, къ „тьмѣ“, какъ въ той видной роли, которую онъ отвелъ „отбросамъ большого города“ въ массовомъ движеніи, хотя на его глазахъ прошли аналогичныя событія, въ которыхъ эти элементы не играли никакой роли.

Въ своей „соціальной“ драмѣ онъ отводитъ «мелкимъ ворамъ, дешевымъ проституткамъ, убійцамъ, нищимъ, калѣкамъ», среди которыхъ мелькаютъ лица опустившихся на дно интеллигентовъ,

гораздо больше мѣста, заставляя ихъ къ тому же играть болѣе активную роль, чѣмъ представителямъ организованнаго труда. Между тѣмъ, какъ сцены, гдѣ выступаютъ рабочіе, написаны какъ будто по обязанности, сцены, гдѣ дѣйствуютъ хулиганы, написаны con amore.

Повинуясь какому-то властному внутреннему голосу, Л. Андреевъ не только передвинулъ центръ тяжести народнаго движенья отъ сознательнаго и организованнаго класса въ сторону хаотическихъ разъединенныхъ элементовъ соціальнаго дна—онъ вмѣстѣ съ тѣмъ изобразилъ самое движеніе въ видѣ безсмысленной анархической вспышки, все низвергающей, сжигающей Національную Галлерею и Публичную библіотеку...

Когда въ самый разгаръ разрушительныхъ страстей среди объятыхъ ужасомъ собственниковъ слышатся тревожные голоса: «это конецъ», «это—революція», вдругъ раздается чье-то спокойное восклицаніе:

„Не оскорбляйте революцію. Это бунтъ".

У насъ нѣтъ основанія предполагать, что авторъ „Царя-Голода" хотѣлъ сознательно „оскорбить" народное движеніе, изобразивъ его въ видѣ безсмысленной анархической вспышки.

Если рабочій классъ можетъ быть на него въ претензіи за то, что онъ смѣшалъ пролетаріатъ въ одну кучу съ «отбросами большого города", то вѣдь и буржуазія едва ли придетъ въ во-

сторгъ отъ того ядовитаго портрета, который онъ срисовалъ съ нея (III д.).

Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что точнѣе всего позицію самого Л. Андреева выражаетъ эпизодическая фигура „дѣвушки въ чорномъ". Одинаково чужая въ мірѣ самодовольныхъ и сытыхъ буржуа и въ мірѣ „дѣтей Царя-Голода", она презираетъ первыхъ, не въ силахъ съ ними порвать, и жалѣетъ вторыхъ, не въ силахъ съ ними слиться. Какъ эта раздвоенная „дѣвушка въ черномъ", такъ и самъ авторъ пьесы стоитъ на полдорогѣ между «верхомъ» и «низомъ», какъ въ такомъ же положеніи находится и вся та соціальная группа, изъ которой онъ вышелъ.

И если онъ „оскорбилъ" народное движеніе, то не сознательно, нужно думать, не потому, что смотрѣлъ на него сквозь призму ужаса и презрѣнія, какъ изображенные имъ въ пьесѣ собственники, а только потому, что его анархическая душа, зараженная невольной тягой къ „тьмѣ", неизбѣжно должна была усмотрѣть хаотичность тамъ, гдѣ была организованность и сознательность, поставить въ центрѣ событія не классъ, а „отбросы большого города", словомъ превратить „революцію" въ „бунтъ".

VIII.

Когда вслѣдъ за подъемомъ общественнаго движенія и настроенія наступили реакція, упадокъ

и уныніе, въ психикѣ Л. Андреева слышнѣе зазвучали прежнія пессимистическія нотки.

Въ самомъ началѣ своей литературной дѣятельности онъ оцѣнивалъ жизнь безусловно отрицательно, какъ зло и нелѣпость и самый инстинктъ жизни казался его раннимъ героямъ чудовищемъ, которое подлежитъ безжалостному искорененію.

Когда Сергѣй Петровичъ (Разсказъ о Сергѣѣ Петровичѣ) бросилъ мысль о самоубійствѣ, онъ легъ въ постель и ему сначала казалось, что „спасенная жизнь радуется во всѣхъ мельчайшихъ частицахъ его тѣла" и что вмѣстѣ съ кровью его сердце „пѣло и торжественно отбивало свой гимнъ жизни". Пусть онъ будетъ „несчастнымъ, гонимымъ и обездоленнымъ", но зато онъ увидитъ „солнце", будетъ „дышать", будетъ „жить, жить". Но Сергѣй Петровичъ скоро раскусилъ хитраго врага, распѣвавшаго въ его крови „веселенькія" пѣсенки, чтобы прикрѣпить его къ желѣзной тюрьмѣ. Онъ понялъ, что та „равнодушная, слѣпая сила", которая вызвала его изъ нѣдръ небытія, снова хочетъ его „заковать въ колодки". И, убивъ врага, онъ бросилъ жизнь, какъ тяжелое и ненужное бремя.

Когда подъемъ общественнаго движенія достигъ въ 1905 г. своего апогея, Л. Андреевъ на мгновеніе превратился изъ пессимиста въ оптимиста.

Студента Сергѣя Петровича смѣняетъ астро-

номъ Сергѣй Николаевичъ (Къ звѣздамъ). Онъ рѣшительно протестуетъ противъ „обывательской" оцѣнки жизни и смерти. Обыватель думаетъ только о своей особѣ и потому ему такъ „страшно" и „скучно", какъ „блохѣ, заблудившейся въ склепѣ". Чтобы заполнить „страшную пустоту", онъ „много выдумываетъ", „красиво и сильно", но „страхъ его растетъ". Такъ бродитъ онъ „одинокій", среди „неживого и бездушнаго", среди „смертей".

Этой обывательской точкѣ зрѣнія Сергѣй Николаевичъ противополагаетъ свою глубоко-оптимистическую идею безграничнаго и вѣчно живого *Космоса.*

„Все живетъ!"—восклицаетъ онъ. „И когда пойметъ это человѣкъ, ему станетъ радостно жить, какъ греку, какъ язычнику. Явятся снова дріады и нимфы и эльфы запляшутъ въ лунномъ свѣтѣ. Человѣкъ никогда не будетъ одинъ, ибо все живетъ: и металлъ, и камень, и деревья".

Въ этомъ дивномъ космосѣ „нѣтъ смерти". Умираютъ только звѣри или люди-звѣри.

Но развѣ можно сказать, что „умеръ Джьордано Бруно"? Тѣло можетъ исчезнуть, но мысли и поступки человѣка, „благоуханіе его души" живутъ вѣчно. Природа похожа на одинъ изъ тѣхъ „древнихъ храмовъ", гдѣ пылало неугасимое пламя. „Испепелялось дерево, выгорало масло, но огонь поддерживался вѣчно".

Въ этомъ неумирающемъ космосѣ человѣкъ не

„заблудившаяся въ склепѣ блоха“, а „сынъ вѣчности“. Мысль его рождена „птицей“, „могучей и свободной царицей пространствъ“. Для нея нѣтъ загадокъ. Она позоветъ и изъ „мрака преисподней выползаетъ трепещущая тайна“ и корчится „безсильное, жалкое чудовище“. Пусть въ настоящее время человѣкъ еще и не безусловный господинъ „сверкающихъ громадъ“, несущихся въ міровомъ пространствѣ. Настанетъ время, и онъ водрузитъ свое знамя на всѣхъ планетахъ.

Когда вмѣстѣ съ пониженіемъ общественнаго настроенія въ душѣ Л. Андреева „тьма“ снова подняла свою голову, чтобы заслонить свѣтъ солнца, въ сумеркахъ этой „тьмы“ растаяла и эта оптимистическая оцѣнка жизни.

Сергѣя Николаевича, для котораго „все жизнь“, смѣняетъ теперь вездѣсущій призракъ смерти— Элеазаръ.

Когда выходецъ съ того свѣта появляется въ Римѣ, на волнующуюся, трепещущую, ключемъ бьющую жизнь вѣчнаго города падаетъ густая тьма унынія.

Посмотрѣлъ Элеазаръ на веселаго эпикурейца, пировавшаго среди обнаженныхъ женщинъ, и остался онъ на всю жизнь пьянымъ, хотя и не пилъ ничего. Но „вмѣсто радостныхъ грезъ, что даетъ вино, страшные сны осѣняли несчастную голову его“, „страшные сны стали единственной пищей его пораженнаго духа“. По-

смотрѣлъ Элеазаръ на двухъ влюбленныхъ, и хотя они и продолжали любить другъ друга всю жизнь, но была эта любовь „печальная и сумрачная, какъ тѣ надмогильные кипарисы, что корни свои питаютъ тлѣніемъ гробницъ".

Посмотрѣлъ Элеазаръ на мудреца, для котораго смерть ничего не имѣла страшнаго, потому что онъ часто о ней думалъ и „вдругъ исчезла грань между вѣдѣніемъ и невѣдѣніемъ, между правдой и ложью, между верхомъ и низомъ и въ пустотѣ повисла его безформенная мысль".

Предсталъ призракъ смерти и передъ великимъ Августомъ—олицетвореніемъ жизни. Властелинъ земли не знаетъ смерти, такъ какъ царство его —царство „живыхъ а не мертвыхъ". Подъ сѣнью созданныхъ имъ законовъ „живутъ, трудятся и радуются люди". Въ его ушахъ звенитъ „дивная гармонія жизни", „воинственный кличъ, который люди бросаютъ въ лицо грядущему, зовя его на бой"! Весь жизнь—Августъ благословляетъ „великую, божественную жизнь".

И хотя тупой и пустой взглядъ Элеазара не сокрушилъ великаго цезаря, но яркое сіяніе его орлинныхъ глазъ стало „тусклымъ блескомъ" и у изголовья его всталъ побѣжденный, но не убитый, чорной тѣнью—ужасъ.

На душу всѣхъ остальныхъ спустилась страшная мысль о смерти, придавая „новый видъ знакомому старому міру".

Всѣ предметы стали „легкими, и прозрачными",

какъ „свѣтлая тѣнь во мракѣ ночи“. „Безграничнымъ чернымъ покровомъ“ одѣла „великая тьма“ міозданіе. „Повсюду воцарилась пустота“. Въ пустотѣ поднимались деревья, дворцы и дома. „Въ пустотѣ безпокойно двигался человѣкъ и самъ былъ пустъ и легокъ, какъ тѣнь“. Еще только рождался онъ, а надъ его головой уже зажигались „погребальныя свѣчи“. „И объятый пустотой и мракомъ безнадежно трепеталъ онъ передъ ужасомъ Безконечнаго“.

Такъ вернулся Л. Андреевъ, мимоходомъ создавшій фигуру оптимиста Сергѣя Николаевича, для котораго „все жизнь“ и „нѣтъ смерти“, къ пессимистической философіи Тюхи-Сперанскаго, для которыхъ все лишь „сонная грёза“, надъ которой повисла темная тѣнь смерти.

IX.

Л. Андреевъ всегда былъ тайнымъ врагомъ современной городской цивилизаціи, и городъ, этотъ символъ кипучей жизни капиталистическаго общества, казался его героямъ и раньше чудовищемъ, подлежащимъ безпощадному истребленію.

Теперь, когда вмѣстѣ съ пониженіемъ общественнаго подъема погасли въ душѣ Андреева огоньки болѣе оптимистической оцѣнки жизни, эта ненависть къ культурѣ выступила еще болѣе мрачно. Теперь онъ собираетъ воедино всѣ

прежнія нападки и выходки противъ современнаго большого города и бросаетъ ему въ лицо „Проклятіе Звѣря“.

Герой этого разсказа уже такъ успѣлъ удалиться отъ природы, что ему чужды облака, эти „безформенныя, безобразныя груды сгустившихся паровъ“, „холодомъ и тиной вѣетъ на него плескъ волны“, „безразличіемъ вѣчности пугаетъ его огненный закатъ“.

Его „зоветъ“ городъ. Хочется видѣть „милыхъ подвижныхъ людей, которые говорятъ такъ понятно“, „каменные дома, электричество, которое онъ самъ зажигаетъ и самъ гаситъ“.

Пріѣхавъ въ городъ, онъ распахиваетъ окно снятаго въ гостиницѣ номера. „Тамъ внизу щелкаютъ по асфальту подковы, поютъ гудящіе трамваи, что-то движется, переливается безконечно“ и „охваченный восторгомъ, онъ невольно кричитъ поверхъ крышъ и верхушекъ деревьевъ, туда въ сизую дымчатую даль, гдѣ колокольни и трубы и какіе то блестящіе шпили: Городъ! Городъ! Городъ!“

На первый взглядъ передъ нами современный „городской человѣкъ“!

Въ дѣйствительности однако вся его психика сформирована совсѣмъ другимъ соціально бытовымъ укладомъ, и наслѣдіе прошлыхъ вѣковъ такъ глубоко въѣлось въ него, что дѣлаетъ его

положеніе въ современномъ городскомъ строѣ жизни безнадежно трагическимъ [1]).

Герой разсказа „Проклятіе звѣря“ приноситъ съ собой въ городъ смутное, подпольное воспоминаніе о томъ счастливомъ времени, когда жизнь протекала тихо и мирно, не спѣша и не волнуясь, о томъ золотомъ вѣкѣ, когда онъ „цѣлыми часами могъ лежать, не шевелясь, на берегу моря и пересыпать песокъ между пальцевъ такъ медленно, какъ будто передъ нимъ цѣлая вѣчность“.

Съ такимъ патріархальнымъ укладомъ психики попадаетъ онъ въ крупный европейскій городъ съ его лихорадочной сутолокой, и его сразу охватываетъ непривычное чувство какой-то „торопливости“ „боязнь опоздать куда-то“, страхъ „чего то не успѣть“. Въ этой бѣшенной скачкѣ, гдѣ все летитъ и волнуется, онъ испытываетъ такое впечатлѣніе, будто „внутри его непрестанно трепещетъ какая то маленькая секундная стрѣлка и погапяетъ его: скорѣе, скорѣе, скорѣе!“—И ему, помнящему спокойную, безмятежную жизнь на

[1])Надо замѣтить, что въ отрицательномъ отношеніи Л. Андреева къ городу нѣтъ тѣхъ соціальныхъ мотивовъ, которые замѣтны въ отрицательной характеристикѣ городской культуры у Юшкевича, Серафимовича и др. Только въ самомъ концѣ разсказа появляется на мгновенье фигура пролетарія, но изъ его устъ вырывается не проклятіе по адресу города, какъ символа соціальнаго гнета, а философически спокойное или равнодушно-тупое замѣчаніе: „Да всѣ мы должны работать!“

„лонѣ природы“, у „пустыннаго моря“ становится и „безпокойно“, и „жутко“.

Когда жизнь еще не сосредоточивалась въ крупныхъ городахъ, люди жили обособленно, самостоятельными мелкими производителями, однодворцами и сравнительно мало зависѣли другъ отъ друга. Такъ привыкли они жить своей личной жизнью, имѣть свои желанія и свои мысли.

Съ этой индивидуалистической психикой, унаслѣдованной отъ эпохи самостоятельнаго обособленнаго мелкаго хозяйства, пріѣзжаетъ герой Андреева въ крупный городъ, гдѣ коллективная жизнь стираетъ прежде всего внѣшнія отличія между людьми и хотя въ первое время онъ и испытываетъ нѣкоторую „фамильную гордость“, при мысли, что принадлежитъ къ „великому и славному семейству“, но эта радость скоро уступаетъ мѣсто сознанію „трагической похожести того, что должно быть различно“, сознанію „убійственной необходимости для каждаго влѣзать въ одну форму“. Въ этой коллективной жизни онъ перестаетъ быть самимъ собой, сливаясь съ толпой. Онъ идетъ по улицѣ и видитъ одного, двухъ, трехъ, похожихъ на него платьемъ и лицомъ и „вотъ уже не принадлежитъ ему его лицо и его платье“. Онъ входитъ въ ресторанъ, гдѣ обѣдаетъ масса людей и его охватываетъ ужасъ. „Что за кошмарная вещь, когда сразу одновременно подъ однимъ потолкомъ, тѣсно прижавшись другъ къ другу, ѣдятъ тысячи человѣкъ“.

Но что всего обиднѣе для него, такъ это то, что не только внѣшняя, но и душевная жизнь перестаетъ быть въ большомъ городѣ индивидуальной и становится коллективной. Онъ скоро сдѣлалъ „открытіе“, что „воля его, равно какъ и желанія потеряли свою самостоятельность“ и „въ значительной степени подчинены волѣ и желаніямъ другихъ людей“. Онъ чувствуетъ, какъ съ „легкимъ прикосновеніемъ“ къ его мысли „припадаютъ чьи то чужія мысли“, какъ „въ сердце его входятъ чужія чувства“ и какъ „множество скрытыхъ людей наполняютъ его своей таинственной жизнью“. И хотя онъ и не видѣлъ этихъ людей, но именно эта незримость придавала ихъ власти надъ нимъ характеръ „фатальности“.

Вынужденный слиться съ коллективной жизнью, герой Андреева однако слишкомъ индивидуалистъ по настроенію, чтобы раствориться въ общемъ хорѣ голосовъ и стремленій.

„Одинокимъ“ онъ былъ и въ тѣ блаженныя времена, когда жизнь сосредоточивалась не въ крупныхъ городахъ, а на „лонѣ природы“. „Въ лѣсу, на берегу моря или въ настоящей пустынѣ онъ долго могъ оставаться одинъ и тамъ одиночество не пугало, потому что было явно, откровенно, правдиво“.

А здѣсь, въ крупномъ городѣ, гдѣ онъ чувствовалъ постоянное присутствіе постороннихъ людей, не только около, но и „внутри“ себя, онъ тѣмъ не менѣе сознавалъ, что стоитъ безпомощно, одиноко среди равнодушной и чуждой толпы.

Хотя на улицѣ людей много, но у него такое чувство, будто „нѣтъ никого“ и, когда онъ стучитъ каблукомъ по асфальту, то этотъ звукъ такъ „моляще одинокъ“. И если городъ на каждомъ шагу говоритъ ему: „одинокій, стань одной изъ моихъ маленькихъ волнъ“, то онъ всей душой чувствуетъ, что безсиленъ „растворить свое одинокое сумасшедшее я въ однородности всѣхъ этихъ такихъ же одинокихъ сумасшедшихъ я“.

И по мѣрѣ того, какъ герой Андреева блуждаетъ среди „каменныхъ клѣтокъ, поставленныхъ одна на другую“, онъ испытываетъ такое впечатлѣніе, будто самъ „каменѣетъ“, будто начинаетъ „одѣваться въ какую то твердую непроницаемую оболочку“ и „безнадежно отдѣленный отъ воздуха и земли“, долженъ задохнуться въ своей „каменной одеждѣ“.

Въ его глазахъ каменныя клѣтки города незамѣтно принимаютъ видъ желѣзной клѣтки звѣринца, гдѣ сидятъ въ плѣну „свободные, царственные орлы“. „У этихъ несчастныхъ плѣнныхъ царей—грязныя перья и обломанныя крылья и ихъ энергичныя остроклювыя лица съ зоркими властными глазами выражаютъ мелкую злость, раздраженіе, глупую зависть“.

Только немногіе пытаются летать. „Большинство, привыкшіе къ неволѣ или даже рожденные въ ней, цѣпко держатся за грязныя, загаженныя перекладины, и когда тѣ пробуютъ летѣть, они обезпокоенные, возмущенные начинаютъ клеветать, браниться съ яростью, даже звать полицію“.

Такъ приручила культура свободнаго, какъ вѣтеръ, человѣка-орла.

Невозможность возврата къ первобытному состоянію свободы и независимости, вызываетъ въ душѣ героя Андреева неврастенически-безсильную злобу.

Ему хочется учинить какой-нибудь „дикій, нелѣпый скандалъ"—свалить велосепедиста или кинуть камень въ автомобиль.

Ему хочется бросить вмѣстѣ съ умирающимъ тюленемъ грозное проклятіе въ лицо городу, „кричать объ ужасѣ этой жизни", „кричать о смерти".

И сидя въ лѣсу одинъ съ своей „возлюбленной", съ природой, творящей „добро и жизнь", онъ призывалъ того постигшаго „правду" человѣка, который „сожжетъ ихъ города" и предавался мечтамъ о возвратѣ того минувшаго времени, когда на землѣ „не будетъ больше городовъ".

X.

По мѣрѣ того, какъ вмѣстѣ съ пониженіемъ общественнаго подъема въ душѣ Л. Андреева слышнѣе зазвучали пессимистическія нотки, сильнѣе становилось въ немъ и стремленіе бѣжать отъ жизни.

Въ дни „цвѣтущей юности" съ ея „дерзновенными мечтами" онъ рѣшалъ этотъ вопросъ чрез-

вычайно радикально и его студентъ Сергѣй Петровичъ добровольно покидаетъ тюрьму жизни съ ея „толстыми желѣзными прутьями“.

Но вмѣстѣ съ „сѣдиной“ пришла и „ясная мудрость“ и она сдѣлала Л. Андреева какъ и всякаго „мудреца“ склоннымъ къ компромиссамъ.

Уже террористъ Вернеръ (Разсказъ о семи повѣшенныхъ), очутившись въ казематѣ, какимъ то страннымъ образомъ обрѣлъ въ немъ истинную свободу и душевный покой.

„Отчего мнѣ такъ легко, радостно и свободно?— думалъ онъ, шагая по камерѣ одиночнаго заключенія.—Посмотрю на стѣны и какъ будто нѣтъ стѣнъ. И такъ свободно, словно не въ тюрьмѣ, а только что вышелъ изъ какой-то тюрьмы, въ которой сидѣлъ всю жизнь“.

Вернера смѣняетъ теперь авторъ „Моихъ записокъ“.

Страхъ передъ неумолимой жизнью, сметающей все слабое и неустойчивое,—эта до конца сохранившаяся въ душѣ Андреева фамильная черта всѣхъ выходцевъ изъ разлагающагося мѣщанства— приводитъ его къ своеобразной апологіи тюрьмы [1]).

---

[1]) „Мои записки“ содержать между прочимъ, облеченную въ форму апологіи сатиру на извѣстный государственный порядокъ, хотя сатира почти совсѣмъ поглощается апологіей. Склонные все-таки видѣть здѣсь сатиру, а не апологію, мы пользуемся только завѣдомо-*субъективными*, несомнѣнно *андреевскими* чертами, которыми надѣленъ герой разсказа.

Передъ нами обычный у Андреева типъ неустойчиваго неврастеника.

Это былъ человѣкъ „нрава несдержаннаго, порывистаго, склоннаго къ *рѣзкимъ уклоненіямъ*. „*Самолюбіе*, легко оскорбляемое и становящееся на дыбы при каждомъ *ничтожномъ* поводѣ, припадки *меланхоліи*, чередующіеся съ такими же дикими припадками *веселья*—все это придавало ему характеръ „крайней *неустойчивости*, печальной и рѣзкой *дисгармоничности*".

Въ дни молодости съ ея „буйнымъ кипѣніемъ силъ" міръ представлялся ему настоящей тюрьмой, гдѣ нѣтъ ни „правды", ни „справедливости". Вся жизнь казалась ему одной „огромной насмѣшкой" надъ человѣкомъ. Охваченный отчаяніемъ онъ брасалъ въ „черную пучину" всѣ жизненныя „цѣнности"—дружбу, любовь, разумъ, справедливость.

Въ эти „ужасные" дни и ночи онъ пришелъ къ „полному отрицанію жизни и ея великаго смысла".

Но прошла „цвѣтущая юность" и „умудренный опытомъ" онъ понялъ, что тюрьма есть лучшая защита отъ невѣрной и безжалостной жизни. Въ его душѣ поднялась „нѣжная благодарность" и даже „любовь" къ желѣзной рѣшеткѣ. „Скованная слабыми человѣческими руками какого-нибудь невѣжественнаго кузнеца, вдѣланная въ стѣну столь же невѣжественнымъ каменщикомъ, она явила собой образецъ глубочайшей цѣлесообразности, красоты, благородства и силы".

И тогда онъ посвятилъ весь свой талантъ, всѣ свои думы на усовершенствованіе спасительнаго тюремнаго режима.

Если студентъ Сергѣй Петровичъ въ юношескомъ порывѣ покончилъ съ собой, чтобы вырваться на свободу изъ клѣтки жизни, то авторъ „Записокъ", къ которому вмѣстѣ съ „сѣдиной" пришла и „ясная мудрость", считаетъ такой поступокъ легкомысленной мальчишеской выходкой. „Только глупецъ, умирая, думаетъ, что кончаетъ съ собой", тогда какъ онъ только принимаетъ „другую форму". Ничто не позволяетъ намъ утверждать, будто „тюрьма кончается здѣсь". Напротивъ, все говоритъ въ пользу того, что человѣкъ промѣняетъ одну тюрьму на другую, вѣчную, „откуда уже не придется бѣжать".

И авторъ записокъ прекрасно устраивается въ этой временной тюрьмѣ.

Здѣсь онъ въ полной безопасности отъ неумолимой жизни, ломающей и уничтожающей все слабое.

„Имѣя своей средой только воздухъ камеры", онъ избавленъ отъ „пагубнаго вліянія такъ называемой среды. Не ворвется къ заключенному „корыстный убійца", не раздавитъ его „шальной автомобиль", не подкрадется къ нему изъ темноты „жестокое предательство". Не имѣя „ни семьи ни друзей" ему не страшны гибельныя потрясенія", какія приносятъ съ собой „измѣна, болѣзни, наконецъ, смерть близкихъ".

Подчиняя человѣка желѣзнымъ правиламъ, тюрьма освобождаетъ его отъ тѣхъ „несносныхъ колебаній, сомнѣній и ошибокъ“, которыми такъ „чревата практическая жизнь“. Правда, и въ тюрьму сквозь высокія стѣны проникаетъ иногда вѣяніе того, что «люди невѣжественные» называютъ „случаемъ“ или даже „рокомъ“ (смерть)—но „потрясенная временно жизнь быстро возвращается въ свое обычное русло, какъ рѣка послѣ разлива“.

Словомъ, только за желѣзной рѣшеткой сердце человѣка можетъ быть „спокойно“, а его душа „свѣтлой и ясной“.

Вначалѣ одиночное заключеніе казалось автору Записокъ, правда, невыносимымъ. Когда все рѣже его навѣщали близкіе, онъ приходилъ въ ужасъ.

„Друзья мои—кричалъ онъ изступленно—вы оставляете меня одного. Вы понимаете, что вы дѣлаете? Развѣ мыслимо оставлять человѣка одного? Даже у змѣи есть товарищъ, даже у паука есть подруга, а человѣка вы оставляете одного. Что же дѣлать человѣку, когда онъ одинъ?“

Но мало-по-малу онъ понялъ, что „одиночество“, какъ и „разумъ“ есть *преимущество*, данное человѣку передъ другими тварями.

Если бы отнять у человѣка его „право“, его „обязанность“ быть одинокимъ, во что превратилась бы жизнь? Она стала бы „сборищемъ праздныхъ болтуновъ“, „унылой коллекціей прозрачно-стеклянныхъ, убивающихъ другъ друга своимъ

однообразіемъ“, „дикимъ городомъ, гдѣ всѣ двери открыты, окна распахнуты, и прохожіе скучливо сквозь стеклянныя стѣны наблюдаютъ однѣ и тѣ же явности очага и алькова“.

И когда заключеннаго выпустили на свободу, онъ почувствовалъ себя ненужнымъ и лишнимъ среди людей. Его охватила великая тоска о „благодатномъ одиночествѣ“, въ которомъ онъ всю жизнь черпалъ свои „силы“, и онъ поспѣшилъ „возстановить для себя во всей строгости систему прежней тюрьмы“.

XI.

Въ двухъ послѣднихъ своихъ (напечатанныхъ) произведеніяхъ, не представляющихъ особенной художественной цѣнности, Л. Андреевъ снова вернулся къ своей излюбленной темѣ — къ побѣдѣ „тьмы“ надъ свѣтомъ.

Въ „Черныхъ маскахъ“ этотъ сюжетъ облеченъ въ форму театральнаго фокуса и освѣщенъ въ плоскости индивидуальной психологіи.

Уже автору Записокъ человѣческая душа представлялась полемъ битвы между „изначальнымъ и страшнымъ хаосомъ“ и „жаднымъ стремленіемъ къ гармоніи“. Въ одномъ мѣстѣ своихъ оригинальныхъ мемуаровъ онъ сравниваетъ человѣка съ „богатымъ и знатнымъ господиномъ“ устроившимъ пышный маскарадъ. „Отовсюду съѣхались странныя маски, и любезно кланяясь, привѣт-

ствовалъ ихъ господинъ, тщетно вопрошая, кто это. И приходили новыя все болѣе страшныя, все болѣе ужасныя и все любезнѣе кланялся господинъ, шатаясь отъ усталости и страха. А онѣ смѣялись и шептали странныя рѣчи объ извѣчномъ хаосѣ, откуда пришли. И огни горѣли въ замкѣ и далеко свѣтились окна, навѣвая мысль о праздникѣ и все любезнѣе кланялся обезумѣвшій господинъ".

Разсказавъ эту аллегорію, авторъ Записокъ „во избѣжаніе недоразумѣній" приводитъ въ подстрочномъ примѣчаніи ея разъясненіе:

Замокъ — это *душа*, *господинъ* — это *человѣкъ*, властитель души, страшныя *маски*—это тѣ *силы*, которыя дѣйствуютъ въ душѣ человѣка и въ *таинственное существо* которыхъ онъ не можетъ проникнуть *никогда*". [1])

---

[1]) Возможно, что эта аллегорія о гибели замка—души подъ напоромъ темныхъ хаотическихъ силъ безумія навѣяна стихотвореніемъ Э. По: „Заколдованный замокъ" (пер. К. Бальмонта).

Въ самой зеленой изъ нашихъ долинъ
Нѣкогда замокъ стоялъ властелинъ.
Тамъ онъ вздымался, гдѣ Умъ молодой
Былъ самодержцемъ своимъ.

. . . .

Путники, странствуя въ области той,
Видѣли въ два огневыя окна,
Духовъ, идущихъ пѣвучей четой
Вкругъ того трона, гдѣ высился онъ
Багряно-родный герой.

„Черныя маски“ облекаютъ эту аллегорію въ драматическую форму.

Но если авторъ Записокъ побѣдилъ „изначальный хаосъ“ своей души путемъ полнаго обособленія отъ людей, цѣною отказа отъ всѣхъ человѣческихъ чувствъ, то герцогъ Лоренцо ди Спадаро, не ушедшій отъ жизни въ одиночное заключеніе, палъ жертвой темныхъ духовъ подполья. Извѣстіе о позорномъ поступкѣ матери, жены крестоносца, вступившей въ связь съ конюхомъ, безплодныя размышленія о несправедливости своего привиллегированнаго положенія, сомнѣнія въ постоянствѣ любви и дружбы расщепили его цѣльную личность и, раздвоившись, онъ сошелъ съ ума, окруженный черными масками „таинственныхъ силъ“, шептавшихъ „странныя рѣчи объ извѣчномъ хаосѣ, откуда пришли“.

Въ послѣдней пьесѣ Л. Андреева „Дни нашей жизни“ та же тема о торжествѣ „тьмы“ облечена

. . . .
Но злыя созданья въ одеждѣ печали
Напали на дивную область царя.
. . . .
И путники видятъ въ томъ краѣ туманномъ,
Сквозь окна, залитыя красною мглой,
Огромныя формы, въ движеніи странномъ...
Межъ тѣмъ, какъ
Сквозь блѣдную дверь
Выносятся тѣни, и шумной толпою
Забывши улыбку, хохочутъ всегда.

въ форму сентиментальной мелодрамы и разсматривается на фонѣ опредѣленныхъ соціально-бытовыхъ отношеній.

Студентъ Николай Глуховцевъ узнаетъ, что его невѣста—проститутка, которую изъ нужды продаетъ родная мать, и подъ напоромъ „хаоса“ „несправедливой“ и „жестокой“ жизни гибнетъ въ немъ вѣра во все чистое, хорошее и свѣтлое.

Если въ ,,Черныхъ маскахъ“ торжество ,,тьмы“ изображено въ видѣ безумія, повергающаго послѣ послѣдней вспышки огня самосознанія замокъ души въ безпредѣльный мракъ, то въ ,,Дняхъ нашей жизни“ побѣда ,,хаоса“ символизируется пьяной оргіей, мутными потоками алкоголя заливающей мечты, любовь и вѣру „цвѣтущей юности“.

Обѣ эти пьесы, которыми Л. Андреевъ, повидимому, завершаетъ первую половину своей литературной дѣятельности, интересны не столько, какъ художественныя цѣнности, сколько какъ признаки того, что онъ начинаетъ руководиться въ своемъ творчествѣ не однимъ только инстинктивнымъ желаніемъ обнаружить себя, а также сознательнымъ стремленіемъ угодить разнымъ вкусамъ публики и антрепренеровъ.

Если надъ своими прежними произведеніями, крупными и слабыми, Л. Андреевъ всегда могъ смѣло написать слова: „Такъ я это вижу“, то его послѣднія двѣ вещи, созданныя почти одновременно для двухъ совершенно противоположныхъ

типовъ театра, разчитанныя на два совершенно непохожихъ другъ на друга слоя публики, какъ будто говорятъ, любезно раскланиваясь въ разныя стороны: Чего изволите?

И чѣмъ тѣснѣе свяжетъ Л. Андреевъ свой талантъ съ подмостками сцены, тѣмъ ярче будутъ отражаться на его творчествѣ неустойчивые вкусы театральной публики и измѣнчивыя требованія театральныхъ антрепренеровъ.

XII.

Мы прослѣдили *содержаніе* главнѣйшихъ произведеній Л. Андреева.

Даже при поверхностномъ взглядѣ бросается въ глаза чрезвычайное однообразіе этого содержанія. Несмотря на существенныя перемѣны, происшедшія какъ въ его личной судьбѣ, такъ особенно въ положеніи страны, подъ разными именами и ярлычками у него постоянно повторяются одни и тѣ же коренныя настроенія. Его десятилѣтнее творчество звучитъ, какъ вѣчная варьяція нѣсколькихъ коротенькихъ мелодій.

Какъ бы ни были порой индивидуальны изображенныя имъ настроенія, въ нихъ ясно просвѣчиваетъ ихъ классовое происхожденіе.

Выходецъ изъ распадающагося подъ напоромъ экономическаго развитія мѣщанства Л. Андреевъ вынесъ изъ родной соціальной среды неврастени-

ческій складъ души и почти всѣ его герои отличаются чрезмѣрной возбудимостью, неустойчивостью и неуравновѣшанностью, склонностью къ внушеніямъ, къ раздвоенію, къ безумію.

Дитя погибающаго міра, онъ унаслѣдовалъ отъ него глубокое недовѣріе къ жизни „жестокой“ и „несправедливой“, къ этой „клѣткѣ съ толстыми, желѣзными прутьями“, вмѣстѣ съ инстинктивнымъ стремленіемъ отгородить себя отъ нея, уйти хотя бы въ камеру одиночнаго заключенія. Даже когда жизнь, гостепріимно улыбаясь, сама пошла къ нему навстрѣчу, онъ не хотѣлъ съ ней примириться и вмѣсто благодарности бросилъ ей въ лицо грозное проклятіе. И только однажды, на мгновеніе, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ октябрьскихъ событій, онъ сбросилъ съ себя путы унынія, недовѣрія и пессимизма и какъ будто невзначай создалъ двѣ прекрасныя фигуры не „отрицателей“, а „утвердителей“ жизни, рабочаго Трейча и астронома Сергѣя Николаевича.

Тяга къ индивидуализму, свойственная міру нѣкогда самостоятельныхъ мелкихъ производителей, превратилась въ душѣ Л. Андреева, которому пришлось увидѣть свѣтъ въ эпоху распада этого стараго уклада, въ болѣзненно-щепетильное отношеніе къ своей собственной особѣ и потому всѣ его герои вѣчно носятся съ собою, разсматриваютъ себя со всѣхъ сторонъ, копаются въ своихъ переживаніяхъ и страшно обижаются на людей и на жизнь за то, что они слишкомъ мало обращаютъ

на нихъ вниманія или неосторожно наступаютъ имъ на ногу. Если же его герои иногда заблагоразсудятъ выйти изъ „благодатнаго одиночества своей души“, изъ своей замкнутости и обособленности, чтобы принять активное участіе въ строительствѣ жизни, то они или растерянно стоятъ передъ неразрѣшимой загадкой или обнаруживаютъ сантиментально-филантропическую заботливость о калѣкахъ и убогихъ, или, наконецъ, проникаются безсмысленнымъ чисто анархическихъ стремленіемъ „все уничтожить“, „оголить человѣка“, „взорвать землю“.

Выходецъ изъ міра, стираемаго „жестокой“ и „несправедливой“ жизнью, Л. Андреевъ вынесъ изъ него недовѣріе къ силамъ человѣка и человѣчества, сознаніе невозможности вліять на свои поступки, направлять ходъ событій и его герои или пассивно склоняются передъ грознымъ фатумомъ, спѣша на него взвалить всю отвѣтственность, или шлютъ по адресу Рока проклятія, не въ силахъ его побѣдить.

Поставленные на лѣстницѣ соціальной іерархіи между буржуазіей и пролетаріатомъ его герои при всемъ горячемъ стремленіи „пробиться впередъ“, инстинктивно чувствуютъ, какъ какая-то неумолимая таинственная сила тащитъ ихъ „внизъ“, въ „тьму“. Весь міръ представляется поэтому Л. Андрееву, какъ поле битвы между „хаосомъ“ и „гармоніей“, при чемъ побѣда остается въ огромномъ большинствѣ случаевъ не за „гармоніей“, а

за „хаосомъ“. Гибнетъ чистая любовь подъ напоромъ грязныхъ инстинктовъ или позорящей нужды. Гибнетъ свѣтлый разумъ подъ натискомъ темныхъ силъ организма. Гибнетъ культура подъ ударами дикой орды соціальныхъ отбросовъ.

Л. Андреевъ имѣлъ счастье жить въ одну изъ самыхъ драматическихъ эпохъ русской исторіи.

Онъ былъ современникомъ и очевидцемъ политическаго переворота, всколыхнувшаго жизнь до самыхъ ея глубинъ и совершенно преобразовавшаго ея внѣшнюю физіономію. Но чуждый этой кипѣвшей кругомъ жизни, онъ совершенно просмотрѣлъ ея прологъ, а когда событія стали настолько ярки, что могли бы открыть глаза и слѣпому, когда на сцену выступили новыя массы и новая интеллигенція, онъ надѣлялъ ихъ, (не ради публицистической тенденціи, а въ силу инстинктивной потребности) тусклыми, сѣрыми и хаотическими настроеніями своей собственной „усталой“ и „бунтарской“ души.

Л. Андреевъ жилъ не только въ эпоху политическаго переворота, а также въ періодъ экономическаго перерожденія страны.

На мѣсто мелкобуржуазнаго уклада жизни съ ея сонливымъ покоемъ и безмятежнымъ застоемъ сталъ торгово-промышленный городъ капиталистическаго типа съ его машинной техникой, фабричнымъ производствомъ и лихорадочной дѣятельностью. Старосвѣтская психика Андреева, всѣми корнями своими вросшая въ грунтъ мѣ-

щанскаго уклада, не могла и не хотѣла приспособиться къ новымъ соціально-экономическимъ условіямъ. Содрогаясь отъ шума и сутолоки городской культуры, онъ бросилъ ей въ лицо безсильное проклятіе и углубился въ безплодныя мечты о первобытномъ раѣ на лонѣ природы, на берегахъ пустыннаго моря, о времени, когда „на землѣ не будетъ больше городовъ“.

Такъ является Л. Андреевъ по своимъ *настроеніямъ* и *мыслямъ* человѣкомъ не сегодняшняго дня, а тѣнью минувшей эпохи, не выразителемъ современной капиталистической цивилизаціи, а отголоскомъ умирающаго мелкобуржуазнаго уклада жизни.

